

Валерий ГОРШКОВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

ПО ПРОЗВИЩУ
ВОРОН
ЗАКОН МЕСТИ

По прозвищу Ворон

Валерий Горшков

Закон мести

«Автор»

Горшков В. С.

Закон мести / В. С. Горшков — «Автор», — (По прозвищу Ворон)

Преступность расцветает там, где бездействует правоохранительная система. Командир питерского СОБРа Сергей Северов по кличке Ворон убедился в этом на собственном горьком опыте, когда отпетые отморозки хладнокровно расстреляли самых близких ему людей – жену и дочь. Видя, что следствие буксует, Ворон решает самостоятельно разобраться с обидчиками. Объявив беспощадную войну преступному сообществу, он ставит себя вне закона. Однако Сергей убежден, что правота на его стороне.

© Горшков В. С.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	20
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	38
Глава 11	42
Глава 12	45
Глава 13	48
Глава 14	51
Глава 15	54
Глава 16	59
Часть II	62
Глава 17	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Валерий Горшков

Закон мести

*События, описанные в романе, являются авторским вымыслом.
Все возможные совпадения с реальными фактами и лицами – случайны.*

Пролог

Лицо стоявшего на коленях коротышки было разбито до состояния бифштекса: оба глаза заплыли, из рассеченных бровей и сломанного носа не переставая сочилась кровь, а вместо губ болтались окровавленные ошметки. Но здоровенных парней с коротко стриженными затылками и безразличными выражениями на рожах, так же как и их босса, молча наблюдавшего за происходящим, это, казалось, нисколько не смущало.

– Где деньги, сука?! – снова в который раз потребовал один из здоровяков и, не услышав ответа, вновь обрушил на беспомощного барыгу серию сокрушительных ударов.

Ответом на них были лишь протяжные стоны и сдавленный грудной вопль, после чего коротышка – известный в Питере скупщик краденого по кличке Жорик – опять впал в краткосрочную кому, так и не назвав номер ячейки в камере хранения Московского вокзала, где лежали все его «честно заработанные на кидке» деньги, включая сбережения за пять лет тяжелой и опасной работы...

Избитый до полусмерти барыга, вращая по сторонам едва выглядывающими из-под распухших щек и рассеченных бровей мутными глазами, молчал отнюдь не потому, что зеленые бумажки с портретами американских президентов были ему дороже, чем собственная жизнь.

Едва увидев лицо появившегося в подвале Бармаша, Жорик впервые в жизни так остро ощутил витающий вокруг запах смерти, что готов был уже сразу расколоться: упасть на колени перед имеющим репутацию полного психопата отморозком и слезно вымаливать пощады. Но не успел.

С ходу получив мощный удар кулаком в голову, насмерть перепуганный барыга отлетел к стенке и сильно стукнулся затылком о кирпичную кладку. Сознания он не потерял, однако в его в мозгу что-то неслышно щелкнуло, и он вдруг разом позабыл все. До смешного все, включая и собственное имя.

Жорик медленно поднялся на ноги и отсутствующим взглядом оглядел помещение, в котором находился. Прямо напротив него стояли двое каких-то незнакомых хмурых бугаев с блестящими от ярости и возбуждения глазами, а третий за их спинами – с лицом убийцы – спрашивал его о каких-то непонятных деньгах, якобы украденных у него.

– Значит, кинуть меня вздумал, потрох свинячий, да?! – между тем продолжал темноволосяй, схватив ничего не соображающего Жорика за воротник и рывком притянув к себе. – У-у-убью, паскуда!..

Коротышка ощущал, как на его лицо летят липкие брызги чужой слюны. Его тошнило. Он хотел что-то сказать в ответ, но обнаружил, что не может произнести ничего внятного – с губ слетало лишь бессмысленное бормотание.

Незнакомцев, добивавшихся от него признания в «крысятничестве», это обстоятельство, похоже, взбесило еще больше.

– Давай, братва, гасти эту жирную крысу! – произнес главный, с темными прилизанными волосами и прыщавым красным лицом. И на жертву, беспомощно прикрывающуюся руками, незамедлительно обрушился новый град жестоких болезненных ударов.

Жорик то терял сознание, то снова приходил в себя. Возбужденные голоса его мучителей глухо доносились откуда-то издалека, словно из длинной металлической трубы... Периоды просветления чередовались с провалами в спасительное небытие: Жорик выныривал из темноты, молча получал очередную порцию ударов, уже практически не ощущая парализовавшей все тело боли, а затем снова отключался, видя перед глазами какие-то размытые очертания желтого предмета, отдаленно похожего на расческу...

И вдруг все прекратилось. Густая, вязкая темнота обволокла попавшую в нее добычу со всех сторон и утянула за собой в бескрайнюю бездну, где уже не было ни боли, ни страха, ни видений. Ничего.

– Кончай! – резким выкриком остановил расправу Бармаш.

Здоровенный парень, разгоряченный своей работой, по инерции нанес коротышке завершающий удар ногой в лицо. Окровавленное, превращенное в безжизненный кусок мяса тело в последний раз вздрогнуло и застыло, сломанной куклой распластавшись в углу подвала.

– Бесполезно. По-моему, это дерьмо уже ничего не скажет... Издох...

Бармаш подошел к коротышке, брезгливо сморщившись, оттянул ему веко и вгляделся в расширенный неподвижный зрачок. Для полной уверенности посветив зажигалкой, вытащил изо рта окурков сигареты, старательно затушил его об остекленевший глаз толстяка, тихо выругался и сплюнул на грязный пол.

– Вот упертый, с-сука, попался! – скрипя зубами, прорычал один из бритоголовых отмозгов по кличке Седой, разглядывая свои разбитые на костяшках руки. Потом перевел взгляд на распластанное на полу тело и, не сдержав злобы, еще раз изо всех сил пнул мертвеца в живот. – Где же он бабки-то заныкал, гнида, а-а?! Педрило свинячее!.. Первый раз такое, чтобы барыга не раскололся, первый раз!!! Во бля!..

– Слышь, Бармаш, может, он, того... по фазе двинулся? Ведь никто не может молчать, когда его целый час так отхерачивают, сам знаешь, – озадаченно почесав бритый затылок, предположил Винт – коренастый сутулый увалень с заячьей губой. – Что-то здесь не то, в натуре! Так не бывает, пацаны! Он же без чемодана был, хотя с билетом в кармане...

Винт принялся обшаривать карманы убитого, передавая их содержимое Седому.

Когда процедура шмона была завершена, обнаружилось, что при себе истерзанный Жорик имел связку ключей, паспорт, измятую пачку «Мальборо», портмоне с деньгами и спичечный коробок.

– Это все? – нахмурившись, спросил Бармаш.

– Обижаешь, «папа», мы не первый день в пехоте! – покачал головой Винт. – Все. Если только... – Разорвав на груди у бездыханного толстяка бурую от крови рубашку и обнаружив на его волосатой шее золотую цепочку с массивным крестом, Винт усмехнулся, снял добычу и взвесил ее в руке. – Если только вот это «рыжье»! Теперь ему цапки ни к чему, верно, братва? А вообще не кисло для барыги, а, Седой?! – На довольной роже бандита заиграла ехидная улыбка. – Грамм на сто потянет, не меньше!

– Заткнись, промокашка!.. – фыркнул Бармаш, разглядывая извлеченные из карманов жертвы предметы. Медленно пролистав паспорт, он вернул его со словами «может пригодиться» стоящему рядом Седому. Осмотрел ключи и оставил их себе, так же как и обнаруженные в портмоне пятьсот тысяч рублей и двести баксов. Высыпал на пол содержимое смятой пачки сигарет, разорвал картонную упаковку и, не найдя в ней ничего интересного, бросил к ногам мертвеца. Открыл спичечный коробок, вытащил спичку и вдруг застыл, пристально вглядываясь в нацарапанные на буром картоне цифры, едва различимые при тусклом свете горящей под закопченным потолком подвала электрической лампочки.

– Если я не ошибаюсь, – медленно произнес, поднимая блестящие глаза на братков хитро прищурившийся Бармаш, – то эта херня кое-что означает. Сдается мне, что эту комбинацию

цифр он набрал в ячейке камеры хранения. Наверняка он там и оставил наши бабки. Чего б ему на вокзале порожняком шляться?

– Очень может быть, – почесав затылок, высказал свое мнение Седой, громко цокнув языком. – Только как это проверить, там же не меньше тысячи ячеек и постоянно ошивается мент...

– Ничего, разберемся, – ухмыльнулся Бармаш, который, судя по торжествующему выражению лица, уже не сомневался, что деньги Жорика скоро станут его добычей. – А на всякий случай, слышь, Винт! – Бармаш достал из кармана связку ключей. – Возьми этого козла Шмона и переверните хату покойничка вверх ногами. Но только чтоб тихо, ясно?

– Бу... сде... Делов-то! – пожал плечами сутулый. – Сегодня вечером и провернем.

– С камерой хранения завтра разберемся, – сообщил Бармаш, расстегивая «молнию» на штанах. – Я проконсультируюсь с Пегасом на этот счет, у него не голова – Дом Советов. Он подскажет, как лучше все обстригать... – Отвернувшись в угол, под одобрительные смешки подельников «папа» помочился на еще не остывший окровавленный труп, застегнул джинсы и закурил. – Ну а теперь пора сваливать. Заканчиваем, братва.

При помощи куска арматуры Винт и Седой отодвинули в сторону крышку выходящего в подвал люка давно не функционирующего канализационного коллектора. Слегка поморщившись от шедшей снизу вони, они быстренько столкнули ногами труп Жорика в черный зияющий провал. Потом задвинули крышку люка на место и, навесив на массивную металлическую дверь подвала мощный навесной замок, не торопясь покинули заброшенный армейский склад неподалеку от набережной Обводного канала. Этот подвал на заброшенном складе уже в течение двух лет служил преступной группировке Бармаша не только местом развязывания языков для упертых коммерсантов, но и братской могилой для многих из них. Внимательно оглядываясь по сторонам, парни сели в припаркованную возле ворот склада белую «Тойоту». Взревел мотор, колеса подняли вверх облако серой пыли, и машина помчалась в сторону станции метро «Балтийская».

– Пора искать другую точку, – стряхивая пепел за опущенное окно, сказал Бармаш. – Здесь уже опасно. Да и воняет, как в морге.

– Есть у меня на примете один сарай на Юго-Западе, недалеко от рынка, – через минуту сообщил Винт, лихим виражом обходя плетущийся вдоль тротуара автобус. – Надежное место, завтра покажу.

– Что будем делать вечером, пацаны? – вмешался в разговор развалившийся на заднем сиденье с бутылкой пива Седой. – Сейчас капусту соберем с ларьков и вроде как свободны. Время – семнадцать двадцать пять. Я предлагаю взять ящик пива, водяры, и рвануть в баню! Помнишь, Бармаш, где мы с «тамбовскими» чухонек пялили в прошлый понедельник?!

– Винт и Шмон идут на хату к Жорику, – напомнил бригадир, взглянув на сидевшего за рулем сутулого. Тот молча кивнул. – А я... вроде как свободен. Ладно, поехали... Заскочим в блядюшник, возьмем пару баб для мебели. Может, и встанет, когда выпью, – с глубокомысленным видом произнес Бармаш и поймал на себе понимающий взгляд Седого в зеркале заднего вида.

Часть I

Командир СОБРа

Глава 1

– Ладно, твоя взяла. – Дежурный офицер сорок второй воинской части, расположенной в Усть-Луге, встал и, смешав шахматы, потянулся. – Что-то я сегодня не в форме, – пояснил он, обращаясь к прапорщику – его обычному партнеру по шахматам.

– Да ладно, – довольно хохотнул прапорщик, собирая деревянные фигурки. – Знаешь, Васильич, что плохому танцору мешает?..

– Но-но, – добродушно одернул его офицер. – Не забывайся. Со старшим по званию разговариваешь. – Прапорщик деликатно промолчал, и старший лейтенант, надевая тулуп, добавил: – Не убирай. Сейчас схожу на КПП, а потом – реванш. Годится?

Прапорщик заулыбался:

– Смотри, Васильич, как бы тебе до трусов не проигратся... Я, конечно, не против. Да и то: чего тебе на КПП ходить? У нас теперь такие ребята в охране... – Он кивнул в сторону окна: – Мышь не проскочит.

– Порядок есть порядок, – не согласился старший лейтенант. – А ребята, что ангар охраняют, за каменным забором находятся. Да и воинские секреты им не нужны. Они свое добро охраняют. Случись что – помощи не дождешься.

Несколько месяцев назад начальство части сдало в аренду находящиеся на ее территории и давно пустующие помещения, главным из которых был огромный ангар, теперь так тщательно охраняемый арендаторами. Чем там занимались бизнесмены, никого не интересовало, тем более что платили они щедро, и часть, которая уже давно загибалась от нищеты, могла хоть как-то поправить свои хозяйственные дела.

Дежурный офицер вышел из теплой казармы и сразу почувствовал, как густой морозный воздух наполнил его легкие. Черное зимнее небо поблескивало далекими холодными звездами, стояла такая тишина, что хруст снега под ногами казался оглушительным.

Проходя мимо двухметрового каменного забора с металлическими воротами, за которым и располагался ангар, офицер проворчал:

– Вот ведь устроились... Ну что за жизнь?.. Одним – все, а другим – ни хера. Сидишь тут на нищенской зарплате, не живешь, а существуешь. А эти на крутых иномарках гоняют, только душу травят.

Машины были его слабостью. Старший лейтенант, которому было всего тридцать лет, мечтал о собственной тачке, как влюбленный мечтает о встрече с любимой. Он даже выписал журнал «За рулем» и тщательно следил за всеми новинками, появлявшимися на российском и мировом рынках. Зная при этом, что у него никогда не будет не то что какого-нибудь задрипанного «Рено-5», но даже какой-нибудь нашей «судороги», вроде пластмассовой «Оки».

Те, что сидели за этим высоким забором, разительно отличались от дежурного офицера хотя бы тем, что ездили на самых лучших машинах, которые он когда-либо видел в своей жизни. Не говоря вообще об умении устраиваться. Даже здесь, на территории воинской части, они все обставили так, что имели двойную охрану – самой части и свою собственную, денно и ночью дежурившую по ту сторону забора. Причем их машины – не только шикарные иномарки, но и грузовики и даже автобусы – имели право проезжать по территории части, в то время как военным вход на арендованные территории был закрыт. Вот и получалось,

что одни люди были созданы для того, чтобы, как старший лейтенант, прозябать за забором, довольствуясь только видом красивой жизни, а другие – этой самой жизнью жили.

Размышляя таким образом, дежурный офицер подошел к коробке контрольно-пропускного пункта и вдруг в недоумении остановился, увидев через окно, что в ярко освещенном помещении никого не было.

– Ни хрена себе!.. – удивился старший лейтенант. – Неужели спят, подлецы?..

Он подошел к окну вплотную и заглянул внутрь.

И вдруг чьи-то крепкие руки схватили его сзади, зажав рот и вцепившись в горло. Лейтенант замычал, дернулся и сразу получил в солнечное сплетение несильный, но чувствительный удар. В глазах его потемнело, он попытался открыть рот, чтобы глотнуть спасительного воздуха, но рот был пережат чьей-то ладонью. Дежурный офицер быстро провалился в серую мглу беспамятства...

Он очнулся лежащим на полу каптерки, с залепленным скотчем ртом и связанными сзади руками. Рядом с ним, занимая весь пол крохотного помещения, лежали, тараща глаза, с точно такими же залепленными ртами несколько солдат – все караульные, охранявшие территорию части. Над ними, с автоматами наперевес, возвышались два высоких, одетых в маскировочные костюмы и черные шерстяные шапки-маски, человека. Третий, самый крупный, сидел на стуле и внимательно смотрел на лейтенанта. Сквозь прорези в маске были видны серо-стальные глаза, взгляд которых был жестким и спокойным одновременно.

Заметив, что дежурный офицер открыл глаза, сидевший представился, поднеся к самым его глазам жетон члена СОБРа:

– Я командир специального отряда быстрого реагирования Министерства внутренних дел России. На территории вашей части проводится операция Министерства внутренних дел. – Командир говорил быстро и бесстрастно. – По нашим оперативным данным, на территории находится завод по расфасовке доставляемого из Европы героина, который затем поступает на рынок Санкт-Петербурга и области.

Глаза лежавшего на полу лейтенанта широко раскрылись. Майор продолжал:

– Я имею приказ открывать огонь на поражение по любому, кто окажет сопротивление, расценивая его действия как причастность к преступлению. Если вы дадите мне гарантии того, что не сделаете ни одного лишнего движения и не издадите ни звука, я прикажу вас развязать. В противном случае придется вас уничтожить: даже если вы не имеете никакого отношения к тому, что творится у вас за забором, я не могу рисковать ходом операции. – Он испытующе посмотрел на лейтенанта. – Договорились?

Дежурный кивнул, после чего один из собровцев, наклонившись, освободил ему рот. При этом дуло автомата было на уровне груди лежащего. Собровец приподнял лейтенанта и посадил на стул, не развязывая рук. Дежурный опасно покосился на автомат.

– Кто не спит в казарме, кроме дневального? – спросил командир СОБРа, наклонившись вперед.

– Пра... прапорщик, – не сразу ответил лейтенант и зачем-то добавил: – Мы с ним в шахматы играем.

Командир отряда кивнул и, посмотрев в окно, сделал сложное движение рукой – сначала показал два пальца, потом одним указал направление, затем сжал ладонь в кулак.

Лейтенант обернулся и увидел только две мелькнувшие за окном тени, которые двинулись в сторону казармы.

Командир СОБРа поднялся и, бросив: «Отдыхайте пока», вышел из помещения КПП.

Через семь минут двенадцать секунд операция была закончена. Дневальный и прапорщик были бесшумно связаны, так же как караульные и старший лейтенант, и солдаты в казарме блокированы.

Ожесточенное сопротивление оказали два вооруженных автоматами «скорпион» головореза, стоявших на посту непосредственно при входе в ангар. Потерь со стороны спецназовцев не было – лишь один пострадал от удара пули в защищенную бронежилетом грудь, да еще двое получили легкие ранения в плечо и ногу, до того как начавшие перестрелку боевики были ликвидированы.

Двенадцать рабочих, занятых в ангаре развесом на граммовые дозы упакованного по килограмму белого порошка, уже и без того насмерть перепуганных доносящейся снаружи стрельбой, едва увидев ворвавшихся в ангар с криком «Лежать!» вооруженных парней в черных лицевых масках, тут же попадали на пол. Закрыв головы руками, они лежали до тех пор, пока их, парализованных от страха, не выволокли вон и не затолкали в автозак.

Командир СОБРа майор Северов прошел вглубь ангара. Осмотрев улов, он присвистнул: такого количества «белой смерти» Северов не видел даже во время службы в десантных войсках, когда им неоднократно приходилось брать караваны с «дурью». Похоже было, что хозяева хитро замаскированного мини-завода всерьез уверовали в свою недосыгаемость, обильно подкармливая командование этой ничем не примечательной воинской части с расположенной на ее территории складами...

Вдруг Северов резко вскинул голову и вопросительно посмотрел на бойца, стоявшего рядом с ним. Взревевший двигатель легковушки – из тех, что стояли на территории складов и казались пустыми, – заставил его в несколько прыжков выскочить во двор. Темно-синяя «семерка», не включая фар и взрывая колесами снег, пронеслась мимо него к распахнутым для автозака воротам. Она обогнула КПП и, быстро набирая скорость, помчалась по пустынным улицам спящей Усть-Луги мимо прилипших к окнам любопытных жителей ближайших домов, потревоженных перестрелкой.

Командир сделал знак рукой, и милицейский «уазик» с сидевшим уже за рулем спецназовцем пулей вылетел с территории части. Уверенный в том, что беглец будет пойман, Северов сообщил на посты ГАИ информацию о погоне, спокойно завершил операцию и, уже покидая воинскую часть, внезапно получил сообщение по радиации о том, что преступник ушел от погони.

А через два часа поступила информация, что на одном из постов ГАИ, в тридцати километрах от Усть-Луги, сотрудники пытались задержать мчащийся на большой скорости синий автомобиль «Жигули» седьмой модели.

Водитель автомобиля на полном ходу открыл беспорядочную стрельбу из автомата калибра пять двадцать пять. В перестрелке был ранен один из сотрудников и – что гораздо трагичнее, – погибли совершенно посторонние люди. Супруги Денисовы, возвращавшиеся с дачи домой, минутой раньше были остановлены гаишниками для проверки документов.

Убийца скрылся, бросив машину в нескольких километрах от расстрелянного поста. На руле были обнаружены отпечатки пальцев, после дактилоскопической экспертизы и идентификации не давшие положительного результата, – их обладатель не значился в картотеке МВД и, следовательно, прежде судим не был.

Темно-синие «Жигули» тоже ничего за собой не имели – машина, стоявшая на территории части, принадлежала заместителю начальника части, который после тщательной проверки оказался абсолютно непричастным к этому делу.

Несмотря на довольно серьезный прокол, операция СОБРа была признана удовлетворительной, тем более что стоимость изъятого героина составляла около четырех миллионов долларов в ценах черного рынка.

Северов, конечно же, никому не говорил, что испытывал чувство вины за гибель на посту ГАИ пожилых супругов. Из близких родственников у погибших был только взрослый сын, и Северов лично проследил за тем, чтобы он получил денежную компенсацию.

Глава 2

Когда Сергей Северов, три года воевавший в Афганистане в составе ограниченного контингента Советской армии, возвращался на военном транспортном самолете в родной Ленинград, он искренне верил, что теперь, когда врачи настояли на его увольнении из Вооруженных сил по состоянию здоровья, он сможет постоянно находиться рядом с женой и успевшими подрасти за время его длительных «командировок» детьми. Он наивно думал, что вся его дальнейшая жизнь будет выкрашена исключительно в радужные цвета любви, счастья и покоя. Ну, конечно, придется еще немного поваляться в госпитале, поправить здоровье, а уже тогда...

Поначалу все действительно так и было. Раны, еще совсем недавно казавшиеся абсолютно не совместимыми со службой в десантных войсках, постепенно затянулись, только иногда напоминая о себе ноющей болью. На смену постельному режиму пришли сначала осторожные, легкие, а потом постоянно увеличивающие физическую нагрузку тренировки. В конце концов Сергей смог пройти комиссию, необходимую для поступления на службу в МВД. В начале девяностых, когда пошел массовый отток квалифицированных кадров в возникающие, как грибы после дождя, частные силовые коммерческие структуры, боевой опыт майора пришелся как нельзя кстати. Вскоре Сергей стал командиром первого созданного в питерской милиции специального отряда быстрого реагирования и лично отбирал в него крепких парней, многие из которых имели за плечами боевой опыт, давно определили для себя жизненную позицию и перешагнули психологический порог первого выстрела в человека.

И началась настоящая мужская работа. Бандиты, привыкшие к закрепившемуся в последние десятилетия образу советского «дяди Степы—милиционера» – этакого безобидного добряка, теперь вынуждены были считаться с двумя, ставшими для них настоящим бедствием, новыми подразделениями «бешеных мусоров» – ОМОНОм и СОБРОм. Эти ребята в черных масках и камуфляже были вылеплены совершенно из другого теста: припечатать накачанных братков мордой в грязный асфальт, переломать кулаками и дубинками ребра, разбить в кровь рожу, вогнав в глотку золотые фиксы, а в отдельных случаях, если того требовала ситуация, даже пустить пулю в бандитскую башку – они считали делом обычным и само собой разумеющимся. Но, расправляясь с отморожками, Северов ни на секунду не забывал, что каждое силовое действие одной из противостоящих сторон неизменно рождает ответные меры, и что его небезопасная профессия требует повышенной осторожности не только на работе, но и в повседневной жизни.

С того самого дня, когда после коротких, но ожесточенных «консультаций» с новым начальником питерского РУОПа полковником Кирилленко, в ходе которых Сергей настоял на проведении сложной операции и отряд из пятнадцати человек ночью выехал в Усть-Лугу, Северова не покидало неприятное ощущение, что с окончанием операции ничего еще не закончилось, что «выставленные» его отрядом на четыре миллиона баксов наркодельцы, одному из которых удалось выскользнуть из захлопнувшегося капкана, обязательно напомнят о себе.

Интуиция прежде еще никогда не подводила майора, и тревога все чаще и чаще сжимала его сердце. Сергей пытался убедить себя, что волнения его напрасны. Ведь он прекрасно знал, что не только черные маски на лицах соборовцев являются гарантией относительно спокойной жизни ребят и их семей во внеслужебное время. Никто, кроме очень узкого круга лиц в Большом доме на Литейном проспекте, не знал их имен, фамилий и адресов. Информация эта была сверхсекретной, ибо слишком много находящихся не в ладах с законом отморожков в самых сладких снах видели не только горы награбленных бабок, загорелых разгоряченных красоток, неизменные победы над конкурентами, но и растерзанные, истекающие кровью трупы «бешеных мусоров», постоянно стоящих у них на пути и не дающих спокойно жить. Нетрудно пред-

ставить, что могло произойти, если бы, не дай бог, компьютерная распечатка со списком членов СОБРа попала в руки какого-нибудь мафиози.

Разумом Сергей понимал, что тревоги его наверняка сильно преувеличены и обусловлены непрерывным психологическим стрессом, в котором пребывает любой боец, проходящий службу в спецподразделении и с суровой регулярностью рискующий жизнью. Он убеждал себя, что его тревоги – всего лишь раздражение, возникающее после напряженной, изматывающей работы, что избавиться от него можно очень легко, выпавшись и полноценно отдохнув. Но почему-то на душе день ото дня было все беспокойнее и холоднее. А сознание неумолимо возвращалось к высказанной кем-то из его ребят мысли, что ни один из бойцов СОБРа никогда не может быть на сто процентов уверенным не только в своей безопасности, но и в безопасности своих близких.

Глава 3

Впервые за последние две недели Северов ехал домой в приподнятом настроении, то и дело непроизвольно улыбаясь. Дворники старенькой «шестерки» весело и дружно счищали налипающие на лобовое стекло хлопья мартовского снега. Для хорошего настроения сегодня было сразу два повода. Во-первых, его сын, сержант Иван Северов, лишь недавно вернувшийся из армии, неожиданно сообщил, что поступил на службу в МВД, решив пойти по стопам отца. Впрочем, это не было совсем уж неожиданным поступком для парня, отслужившего в элитном отряде внутренних войск «Витязь». Майор догадывался о чем-то подобном, периодически вынужденный отвечать на некоторые, сугубо специфические вопросы, которые, как бы между прочим, задавал отцу Иван. Сергея удивило другое: он не думал, что сын примет столь важное в своей жизни решение так скоро, даже не дав себе после двух лет тяжелой срочной службы порадоваться свободе, привыкнуть к гражданской жизни и, в конце концов, банально повалять дурака хотя бы пару месяцев.

Сейчас, в это самое время, Иван «прописывался» в новый служебный коллектив, пообещав, однако, вернуться домой не слишком поздно.

Вторым поводом для улыбки на губах обычно угрюмого и молчаливого командира СОБРа был сегодняшний день рождения дочери Катерины, Кати, Катюшки, которую Сергей любил до самозабвения. Катерине исполнялось тринадцать, и она была тихим домашним ребенком с васильковыми глазами, золотистыми волосами и бархатным голоском, от которого у сурового офицера каждый раз сладко щемило в груди. Дочь была практически точной копией жены, и он не раз ловил себя на мысли, что если и существует в его жизни что-то, ради чего действительно стоит жить, то это именно две его горячо любимые Златовласки. Обе они были настолько хрупкими и нежными, что при взгляде на них в душе Сергея время от времени возникал страх – как они смогут выжить в этом безумном, сложном мире, в этом холодном городе, где каждый занят только своими проблемами. Что будут делать две его любимые женщины, случись с ним какая-нибудь «неприятность» на службе?... Жена Татьяна, ученый-зоолог по профессии, уже три года как потеряла любимую работу, безо всяких перспектив когда-нибудь получить ее снова. Представить же свою жену в роли мерзнувшей на ледяном ветру продавщицы коммерческой палатки Сергей мог разве что в кошмарном сне. Правда, вернувшийся недавно из армии Иван, который уже стал настоящим мужчиной, крепким, высоким, сильным, как его отец, в случае чего станет для матери и сестры опорой...

Северов улыбнулся, вспомнив сегодняшнее утро. Он еще спал после позднего вечернего дежурства, когда Татьяна, проводив дочь в школу, сбросив халат, юркнула к нему под одеяло, прижав холодные ступни к его ногам.

– Погрей меня, – прошептала она, и он даже сквозь сон почувствовал, как она улыбается.

Сергей открыл глаза. За окном было еще темно, и только по оживленным звукам, доносящимся с улицы, было ясно, что город уже проснулся. Северов повернулся к жене и увидел в свете лампы ее лукавые глаза.

– Будешь ты греть мои ноги или нет?! – шутливо возмутилась она и ткнула его острым кулачком в бок.

– Я не обязан... – шутливо запротестовал он, все еще толком не проснувшись, но Татьяна его перебила:

– Как это не обязан?! А для чего тогда муж нужен? – Она приподнялась и легла на него мягкой теплой грудью.

– Отбивные трескать – раз!.. Спать до обеда – два!.. – с нежной улыбкой стал перечислять Сергей, касаясь губами бархатной щечки Татьяны. – Жену любить – три!..

– Вот! – обрадовалась Татьяна. – Жену любить – правильно. А что это означает?.. Ноги ей греть – раз...

– А вот в одной из мусульманских стран, – мечтательно завел глаза к потолку Северов, – муж имеет право подать на развод, если у жены в постели ноги холодные...

Но вдруг почувствовав неладное, он замолчал и виновато покосился на жену. Татьяна театрально сузила глаза.

– Что ты сказал? – нарочито зловещим шепотом спросила она. – Ты произнес слово «развод» или мне послышалось?!

– Послышалось, конечно, послышалось, – сделав испуганный вид замахал руками Сергей, но было уже поздно.

Татьяна одним движением сбросила одеяло и оказалась сидящей на нем. Красивая, обнаженная, обвивая его бедра своими стройными ногами, прижимаясь к нему теплым телом, она ухватила мужа за нос и, устрашающе рыча, начала крутить его во все стороны, издавая боевой клич и возмущаясь:

– Ах ты, предатель! О разводе заговорил! Я тебе твою носопырку-то спецназовскую оторву!

– Больно,пусти! – выворачивался, как мог, Северов, одновременно ощущая на себе приятную тяжесть милой наездницы.

Наконец, играя, он, будто невзначай, схватил ее запястья своими сильными руками. Татьяна сопротивлялась изо всех сил и, возможно, преуспела бы в этом сражении, если бы в борьбе не почувствовала, как нарастающее желание все сильнее и сильнее охватывает все ее тело. Она еще сопротивлялась, легонько царапалась, отбиваясь кулачками, хотя с каждой секундой ее сопротивление все больше походило на искусное соблазнение.

Глядя, как эта прекрасная амазонка извивается в его руках, Сергей с придыханием восхищенно сказал:

– Кошка... Самая настоящая кошка! – а потом, с силой притянув ее к себе, припал к ее горячим губам.

Рука его ослабила хватку, и, проведя ладонью по ее бедру, он почувствовал, как волна мурашек пробежала по ее коже.

Прервав поцелуй, Татьяна выпрямилась, закрыв глаза и запрокинув голову. Сергей увидел ее нежную грудь с затвердевшими сосками, впалый живот с маленькой ямкой пупка и темный треугольник внизу живота. Она взяла его руку и провела ею по своему телу – по упругой груди, животу вниз, к жаркому лону...

Их любовь и сейчас, спустя двадцать лет, была такой же пронзительной, как и в первый год их брака. Может быть, тому виной была работа Сергея, этот ежедневный риск?.. Ведь провозжая утром мужа на работу, Татьяна не знала, увидит ли его вечером. Может быть, что-нибудь еще... Но каждый из них считал, что причина – в другом. Татьяна часто думала о том, что такого мужа, как у нее – нежного, терпеливого, любящего и сильного, – нет ни у кого. Сергей считал, что все дело в ней, его жене – самой мудрой, самой заботливой и красивой женщине на свете...

Заехав в знакомый двор, образованный четырьмя блочными девятиэтажками, Сергей припарковал машину на обычном месте.

Осторожно, чтобы лишний раз не испугать малыша, он достал из стоящей на соседнем сиденье приоткрытой спортивной сумки крохотного, тихо поскуливающего щенка овчарки – подарок Кате ко дню рождения, увидев которого дочь обязательно захлопает в ладоши от восторга. Погладив щенка по мохнатой спинке и не в силах отказать себе в маленьком удовольствии, Северов осторожно прижал его к щеке.

– Не бойся, малыш, мы уже почти дома, – невольно прошептал, ощутив на своем лице горячее прикосновение мягкого языка. – Сейчас поднимемся наверх, позвоним в дверь и сообщим нашим барышням об очередном прибавлении в семействе. Думаю, они обрадуются тебе. По крайней мере одна из них – наверняка!

Посадив сопротивляющегося щенка обратно в сумку, Сергей подхватил с заднего сиденья пакет со сладостями и цветы, вылез из машины, пикнул сигнализацией и поспешил к дверям подъезда.

Когда автоматические двери с тихим гудением разъехались в стороны, он шагнул на лестничную площадку и, нажав кнопку звонка, услышал хорошо знакомую мелодию американской песенки «Happy Birthday to you», именно сегодня оказавшуюся кстати.

Дверь почему-то не открывали, и Сергей, теряясь в догадках, позвонил опять, долго не снимая палец с кнопки. И лишь когда услышал приближающиеся с той стороны двери шаги, облегченно выдохнул и устало улыбнулся, предвкушая, как небрежно поставит на пол сумку с торчащим из нее щенком, и как дочурка бросится ему на шею, покрывая щеки горячими благодарными поцелуями.

В следующую секунду, когда дверь распахнулась, Сергей почувствовал, как улыбка мгновенно слетела с его одеревеневшего лица.

Схваченная сзади за шею коренастым краснорожим ублюдком, перед ним стояла Таня, в висок которой упирался ствол снятого с предохранителя пистолета. Рот жены был заклеен скотчем, а в заплаканных глазах застыл ужас. Предупреждая малейшее необдуманное движение Северова, мерзавец предостерегающе покачал головой и слегка ткнул пистолетом в висок Татьяны. Сзади него Сергей увидел стоящего также с оружием в руках еще одного мужика, невысокого, лет сорока, с усами, в темных очках и черных кожаных перчатках.

– Спокойно, майор! Твоя девчонка тоже у нас, так что не рыпайся. Медленно заходи и попробуй сделать хоть полшага в сторону. Не вздумай даже пошевелить мизинцем без моего ведома!..

Усатый поднял пистолет, вытянул руку в сторону комнаты, предостерегающе кивнул и вскинул брови. Сергей похолодел, поняв, что там находится Катя. Его милая, маленькая девочка, у которой сегодня был тринадцатый день рождения и которую он так хотел обрадовать своим неожиданным подарком!.. «Господи, только не это!» – билась в голове командира СОБРа одна-единственная мысль. – Только не это!..»

Плотно сжав побелевшие губы, Сергей шагнул через порог, и за его спиной тут же захлопнулась тяжелая металлическая дверь. Последовавший за этим звуком тупой и тяжелый удар по голове выключил его из действительности. Теряя сознание, Сергей почему-то подумал, что на него сверху обрушился потолок...

Придя в себя, Северов до хруста сжал зубы, чтобы не застонать. Голова разламывалась от боли. Машинально облизав губы, он ощутил на них солоноватый вкус крови, тонкой струйкой стекавшей из разбитого носа.

Едва к Сергею вернулась способность воспринимать окружающую обстановку, он огляделся и увидел, что лежит на полу в центральной комнате, пристегнутый «браслетами» за правую руку к батарее отопления. Табельного пистолета в расстегнутой кобуре не было.

На диване, у стены, сидели белые от страха Татьяна и Катя, рты которых были грубо залеплены коричневым скотчем, а лица, в ссадинах и кровоподтеках, были мокрыми от слез. Возле двери, ведущей в коридор, стоял, поигрывая короткой резиновой дубинкой, низкорослый, криво ухмыляющийся парень, с бритой головой и уродливой заячьей губой. Чуть ближе, держа на прицеле жену и дочь, стоял с пистолетом краснорожий, а усатый, в затемненных очках, расположился от Сергея на расстоянии вытянутой руки, по-кавалерийски сев на стул, повернутый спинкой вперед. Рядом с ним лежал на столе снятый с предохранителя северов-

ский «стечкин» с полной обоймой патронов. Усатый молча курил, разглядывая связанных пленников сквозь затемненные стекла очков.

Заметив, что Сергей пришел в себя, он довольно ощерился и размашистым жестом демонстративно стряхнул пепел в лицо сидящей на диване Татьяны. Она вздрогнула и умоляюще посмотрела на мужа. Сергей, взыв от ярости, дернулся всем телом, пытаясь в броске достать усатого свободной левой рукой, вложив в удар всю силу, но не смог. Наручники больно, до крови, впились в растянутое запястье.

– С добрым утром, майор, – произнес усатый, растянув в холодной улыбке тонкие губы. – Как себя чувствуешь? Не курорт, верно?.. Понимаю, понимаю!

– Что тебе надо, падаль?! – прошипел Сергей, испепеляя его взглядом. – Кто ты такой, гад?!

– У, какой ты ретивый.

– Убью, мразь! Убью...

– У тебя и твоих псов уже однажды была такая возможность, тогда, в Усть-Луге, помнишь, майор? – усмехнулся незнакомец. – Но, как видишь, я до сих пор жив и неплохо себя чувствую. А ты, грозный и вездесущий командир «бешеных мусоров», как кусок дерьма валяешься передо мной на полу с разбитой рожей, да и барышни твои аппетитные тоже здесь, и целиком в моей власти. Представляешь себе, захочу – прикажу отъебать обеих во все щели, а можем и по-другому развлечься – личико порезать, глазки выколоть или выбросить из окна – на выбор. – На восковом лице усатого снова проступила фальшивая улыбка. – А захочу – просто застрелю из этого вот ментовского пистолета, чтобы не мучались и на мучения своего дорогого папуся не смотрели. А сам уйду. И никто ничего не докажет, что не ты стрелял. «Вышка» тебе будет, мусор.

Сергею потребовалась вся его сила воли, чтобы не завывать в голос. Он лишь до крови прикусил плотно сжатые губы и на мгновение прикрыл веки. Когда же снова посмотрел на сидящего напротив подонка, лицо его, словно высеченное из гранитной глыбы, было спокойно. Только отчетливей проступил сквозь кожу рисунок напрягшихся челюстных мышц, да извилистой пульсирующей ниткой неестественно вздулась вена над правым глазом.

– Что тебе от меня надо, ублюдок?!

– Мне нужен мой героин, – после небольшой паузы сообщил усатый. – Весь, до грамма! Ты, конечно, должен знать, где он сейчас находится и как его получить обратно. Иначе... Иначе мне будет очень жаль. Так, кажется, говорят в американских фильмах?

– Если ты рассчитываешь на мою помощь в этом деле, тогда говорить вообще не о чем. – Северов тяжелым взглядом смерил человека в очках. – Ты слишком плохо знаешь нашу систему: вернуть назад почти сорок килограммов самой дорогой в мире «дури» сейчас не сможет никто. Даже если тебе удастся мобилизовать для этого всю питерскую братву и обвешать их самым современным оружием с ног до головы. Через пять часов после перевозки в Большой дом весь порошок согласно приказу из Москвы передали парням из ФСБ, погрузили в бронированный автомобиль и увезли. Куда – неизвестно ни мне, ни кому другому. Пойми, – Сергей сглотнул подступивший к горлу комок и покачал головой, – ты не в ту квартиру забрался и спрашиваешь не с того человека. Я – майор СОБРа, а не начальник ФСБ. Я могу свернуть тебе и твоим бойцам головы, но вернуть героин не в моей власти. Я все тебе сказал. А теперь освободи мою жену и дочь. Если хочешь, можешь убить меня, но их не трогай, это тебе ничего не даст.

– Почем ты знаешь, тварь ментовская, что мне надо делать, кого и за что трогать? Эй, пацаны, хватит терять время, пора заняться девчонками.

– Стой, гад! Не делай этого! Иначе, иначе... клянусь, я достану тебя даже на том свете и разорву голыми руками!.. – Последние слова Сергей произнес очень тихо, почти шепотом, но у него не было никаких сомнений в том, что его услышали.

– Не слишком ли грозное заявление для прикованного к батарее мента, а, майор? – Судя по голосу и в нервном тике подергивающейся щеке, человек в темных очках был заметно огорчен ответом Сергея. – Почему-то мне кажется, что ты не врешь, хотя мне и нелегко смириться с потерей четырех миллионов зеленых. – Помолчав, незнакомец бросил на ковер окурки сигареты, с излишней тщательностью раздавил его носком до блеска начищенного ботинка. – В таком случае я хочу отблагодарить тебя за радость, которую ты мне доставил... Причем по полной программе, чтобы не было сомнений, даст мне это что-нибудь или нет!..

Усатый резко повернулся, внимательно посмотрел на испуганно прижавшуюся к матери, вздрагивающую всем телом Катю и, ткнув в нее указательным пальцем, процедил:

– По-моему, наша маленькая рыжая сучка все еще целка, вам не кажется, братва? Давайте продемонстрируем ее честному папе этот замечательный акт перевоплощения!.. Готов спорить, что подобное чудо мало кому из родителей удавалось увидеть собственными глазами... Начинать!

Услышав эти страшные слова, девочка, лишенная возможности говорить из-за приклеенного к губам скотча, судорожно вцепилась в мать и тихо заплакала. Та крепко прижала дочь к себе, полными ужаса глазами глядя на мужа. В этих глазах стояла глубокая вселенская боль.

– Стойте, сволочи! – прохрипел Сергей, снова рванув стальные браслеты наручников, приковавшие его к трубе у подоконника. – Остановитесь! Не прикасайтесь к ней, гады!!! Нет!!!

Но отморожки не обращали на крики Сергея ни малейшего внимания. Избивая пудовыми кулаками Татьяну, они изо всех сил пытались оторвать от нее бьющуюся в истерике дочь. Но женщина, несмотря на все старания братков, продолжала крепко прижимать к себе девочку намертво сцепленными руками.

– Терпеть не могу упрямых! – С досадой сплюнув на пол, негодяй в темных очках размахнулся и изо всей силы ударил Татьяну кулаком по лицу. От сильного удара она потеряла сознание, ее руки ослабли и разжались. Этого было достаточно, чтобы усатый, вырвав Катерину, оттащил ее в сторону и швырнул на пол.

Раззадоренные борьбой бугаи на какое-то мгновение замерли, оценивающим взглядом окидывая лежащую на полу бледную неподвижную девочку. Сплюнув, краснорожий медленно перевел взгляд на Татьяну:

– Придется поупражняться с мамашей...

Сергей уже не кричал и ни о чем не просил. Он хрипел, с упорством бульдозера снова и снова пытаясь порвать приковывающую его к трубе стальную цепь, не обращая внимания на браслет, до самой кости врезавшийся в запястье.

Невидящим взглядом, не моргая, он смотрел, как похотливо ржущие скоты разрывают на его жене легкий ситцевый халатик, стаскивают белые кружевные трусики, заваливают ее на диван, как ублюдок с заячьей губой железной хваткой сжимает ей руки, не давая возможности сопротивляться, а второй, краснорожий, расстегнув ремень на джинсах, стаскивает их вниз и обнажает огромный набрякший член. Раздвинув бледные ноги яростно сопротивляющейся Татьяны, он торопливыми рывками вошел в неподатливое тело, сопровождая свое мерзкое действие гортанными звуками намертво вцепившегося в добычу хищника...

– Смотри, поганый мент, смотри! – шипел краснорожий, прерывисто дыша и держа извивающуюся Татьяну за руки и коленями прижав к дивану ее вздрагивающие плечи. – Ей ведь нравится, ведь правда, сучка?! Ну давай, сильнее подмахивай, тварь, еще, еще!

Усатый, восковая физиономия которого была совершенно спокойна, крепко держал двумя руками вырывающуюся Катерину, глядя то на пыхтящих над Татьяной подельников, то на Сергея, тупо не оставляющего попыток порвать цепь наручников.

Нахлынувший на краснорожего выродка оргазм заставил его протяжным воплем огласить комнату. Он резко вытащил член, и сперма выплеснулась прямо на избитое лицо Татьяны, что привело его подельника в неописуемый восторг.

– Вот что значит офицерская жена! – заржал бандит с заячьей губой. – Трахается, как последняя блядь!.. Да и сиськи у нее, что надо! Теперь моя очередь!

Усатый же был по-прежнему мрачен. Некоторое время он молча наблюдал за «быками», потом тихо процедил:

– Все, хватит! Пора завязывать! Чего там с девчонкой?..

Бандит мгновенно отпрянул от Татьяны, пряча в джинсы поникший член. Второй отморозок, подойдя к усатому, схватил Катерину, потерявшую сознание, за волосы.

Человек в темных очках взял лежащий на столе табельный пистолет Стечкина, накрутил на него глушитель, вскинул руку и прицелился в женщину, лежащую на диване почти без чувств. Сухой щелчок выстрела потонул в вырвавшемся у Сергея крике отчаяния:

– Не-е-е-ет!!!

Во лбу Татьяны, точно между бровей, появилась маленькая дырочка. Татьяна дернулась, откинулась к спинке дивана и, закатив глаза, застыла. Из ранки на подушку сбежала вниз тонкая струйка крови. Краснорожий амбал подхватил безжизненное тело женщины и, как мешок, сбросил на пол.

Неожиданно придя в себя, истошно закричала Катя. Сделав резкое движение, она вдруг вырвалась из рук второго громилы, сорвала скотч и, пронзительно закричав, кинулась к безжизненному телу матери.

– Изверги, нелюди! – выл в голос Северов, пытаясь в очередной раз достать усатого.

– Заткнись, – резко крикнул тот и, сделав шаг вперед, вдруг неожиданно ударил Сергея ногой по лицу, тут же ретировавшись на безопасное расстояние и впервые за последние несколько минут довольно ухмыльнувшись. – Ну что, майор, доставил я тебе удовольствие, как считаешь? Молчишь? Что ж, тогда продолжим.

Внезапно ухмылка сползла с его воскового лица. Достав изо рта окурок, усатый швырнул его в откинувшегося на стену Сергея, чья правая рука машинально продолжала дергать врезавшиеся в кожу наручники.

– Четыре миллиона баксов – слишком крупная сумма, чтобы спустить ее на тормозах! Из-за твоих поганых псов я потерял не только треть всех своих денег, но и доверие серьезных компаньонов, которые теперь вряд ли рискнут иметь со мной дело. А это дорогого стоит... Так что не закатывай зенки, гондон, сейчас начнется самое интересное!

Негодяй в темных очках кивнул одному из своих бритоголовых подмастерьев, и тот протянул ему резиновую дубинку, которой ранее был оглушен Сергей. Взяв ее в руку, усатый нарочито медленно приблизился к дивану, на котором полулежала, инстинктивно пытаясь прижаться к мертвой матери, Катерина, и наотмашь ударил девочку по голове. Потом схватил ослабевшее легкое тело, рывком поставил в вертикальное положение, развернул спиной к себе и, схватив дубинку за концы, пережал ею хрупкое горло девочки. – Считай до пяти, мент! Давай, сука, что же ты молчишь?! Раз!.. Два!.. – С дьявольским огнем в вылезающих из орбит глаз усатый начал душить Катерину, все сильнее и сильнее пережимая дубинкой ее шею. – Три!.. Ну, давай, сучий потрох, умоляй меня пощадить ее! – рычал он, брызгая во все стороны слюной. – Скажи, что будешь лизать мне задницу, что сдашь мне всех своих псов на растерзание! Ну, чего молчишь!

– Я... я убью тебя... падаль!.. – шептал Сергей, с трудом шевеля разбитыми после удара ногой окровавленными губами. – Ты... подохнешь...

– Ну бля, дает, мусор непробиваемый! – недоуменно пробормотал краснорожий. – Деревянный он, что ли?

– У него, кажись, крыша поехала, – заключил второй. – Ни хера не варит!

– Четыре!.. – не спуская глаз с Сергея, продолжал свой смертельный отсчет усатый. – Пять!!! – И тут послышался хруст сломанных шейных позвонков, дубинка покатилась по ковру, и труп Катерины глухо упал ему под ноги, распластавшись в неестественной позе. Опустив

взгляд, выродок в темных очках наступил на узкое запястье девочки и, приложив усилие, несколько раз повертел на нем каблуком дорогого ботинка, ломая кости.

– Но и это еще не все, майор, – снова сменив выражение ярости на маску холодного безразличия, процедил он. – Остался ты! Но в отличие от этих самок, – с пренебрежением произнес усатый, – которые отбросили лапки быстрее, чем следовало, тебе рассчитывать на такую легкую смерть нечего и надеяться. К тому же мне в голову пришла одна очень даже интересная штука.

Он вышел из комнаты в коридор, а когда появился снова, то снял с серванта керамический подсвечник с тремя свечками, поставил его на середину стола, и, чиркнув колесиком зажигалки, по очереди зажег каждую из свечей. Потом посмотрел на Сергея и злорадно улыбнулся:

– Как ты думаешь, куда я только что ходил, ментяра? Не знаешь?! Открыл все четыре конфорки в газовой плите. Очень скоро, через каких-нибудь десять-пятнадцать минут, здесь жажнет так, что повывлетают не только стекла, но и стены. Я видел по телеку, как после подобной шутки в Кингисеппе в развалины превратился аж целый пятиэтажный дом... Однако мы загостились! Всего хорошего, майор! Надеюсь, мы теперь свидимся только на том свете, да к тому же не так скоро, как бы тебе этого хотелось!

Он обернулся к стоящим позади бугаям:

– Все, сваливаем! Только свяжите руки этому говнюку, чтоб не сорвался.

Глава 4

Дождавшись, когда амбал и коротышка скрутят за спиной руки Сергея, усатый еще раз оглядел квартиру и вслед за «быками» быстрым шагом вышел из комнаты.

Хлопнула входная металлическая дверь. В гулком пустынном подъезде слышались торопливые шаги. Минуту спустя внизу, под окнами, зарычал и вскоре затих, удаляясь, двигатель автомобиля. В квартире уже пахло газом. На столе, как на время отложенный, но неизбежный смертный приговор, ярким мерцающим пламенем горели три восковые свечи. Лишь одна мысль лихорадочно крутилась в голове у Сергея: выжить. Выжить, чтобы отомстить. Он должен, обязан остаться в живых...

Приподнявшись, насколько позволяли наручники, Северов сделал несколько отчаянных попыток задуть несущие ему гибель свечи, но расстояние до подсвечника было слишком велико – языки пламени, лишь слегка дрогнув, продолжали гореть, отсчитывая секунды до неизбежного взрыва. Дотянуться до ручки, открывающей окно, тоже не удалось. Тогда Сергей стал изо всех сил пытаться ударить ногой в край оконного стекла, до которого смог дотянуться, но окно, год назад обклеенное американской теплоизоляционной и бронирующей пленкой, могло выдержать даже удары молотком, лишь потрескавшись да став похожим на паутину... Время уходило. Сергей беспомощно опустил на пол, не видя никакого выхода из ситуации.

И в этот самый момент он вдруг отчетливо услышал чье-то тихое жалобное поскуливание, донесшееся из коридора. Затем из-за дверного проема показалась испуганная щенячья мордочка. Заметив сидящего на полу человека, щенок радостно завилял хвостом, подбежал к Сергею и принялся лизать его лицо.

Глядя на копошащийся рядом теплый маленький живой комочек и на распростертые на полу трупы жены и дочери, командир специального отряда быстрого реагирования питерской милиции Сергей Северов впервые за многие годы ощутил, что на его глазах показались бес- сильные слезы...

Щенок, недоуменно озираясь по сторонам, то и дело пряча свою маленькую мордочку в складки одежды Сергея, не переставая чихал и тихо поскуливал. Запах газа стал уже невыносимым, сильно клонило в сон. Остатками не одурманенного газом сознания Сергей понимал, что до неизбежного взрыва, который убьет и его, и прижавшегося к нему беззащитного зверька, в щепки разнесет все квартиру, остались считанные минуты. А может быть, секунды...

Последние попытки разбить бронированное стекло не принесли никакого результата. После очередного удара сильная боль пронзила ногу, она стала непослушной и беспомощной.

Сергей понял, что изменить уже ничего нельзя. Крепко прижимая к себе вздрагивающего всем телом щенка, словно пытаясь защитить его от гибели, он неподвижно смотрел прямо перед собой, на лежащие рядом окровавленные тела жены и дочери.

В душе командира СОБРа не было страха перед смертью. В ней поселилась лишь выворачивающая наизнанку боль и не желающая остывать даже перед лицом неизбежной гибели всепоглощающая, подчинившая себе весь разум, жажда мести. За все тридцать восемь лет своей жизни Сергей еще ничего так отчаянно не желал, как продлить свою жизнь до тех пор, пока выродок, торгующий «белой смертью», скрывающий свое настоящее лицо под черными очками и приклеенными фальшивыми усами, и его мерзкие напарники не будут уничтожены!

– Господи, – беззвучно шептал Северов, – не дай мне умереть раньше, чем уйдут из жизни эти подонки. Помоги мне выжить, чтобы отомстить. И я клянусь, что нарушу твою заповедь «Не убий». Если ты существуешь, помоги мне! Позволь мне отомстить!..

Все вокруг становилось туманным, теряя очертания, смысл и суть.

Вдруг, сквозь тяжелый сон, Сергей внезапно ощутил что-то очень важное, способное в секунду все изменить. Сбрав в кулак остаток воли и разума, безжалостно таявшие под воздействием газа, он открыл глаза и напряг слух. Неужели показалось?!

Как сквозь ватное одеяло майор услышал знакомые звуки «Happy Birthday...» и с трудом догадался, что это трель дверного звонка... Он попробовал крикнуть, но пересохшие голосовые связки смогли издать только слабый хрип. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем заскрежетал ключ в металлической двери и пискнули, проворачиваясь, дверные петли. Затем послышался судорожный, сдавленный кашель и через секунду – топот ног...

В комнату, освещенную тремя оплывающими свечами, вбежал молодой парень в новенькой милицмейской форме. Застыв на месте, он с ужасом взирав широко открытыми глазами на мертвые тела. Потом он увидел прикованного наручниками к батарее отца и шевелящегося рядом щенка. С белым как мел лицом Иван метнулся к окну и настежь распахнул балконную дверь, потом бросился на кухню, перекрыл с шипением вырывающийся из плиты смертоносный газ и распахнул кухонное окно. В квартиру ворвался свежий морозный воздух. Вернувшись в гостиную, Иван замер, стеклянным взглядом уставясь на истерзанные трупы матери и сестренки. Тяжело упав на колени перед еще недавно теплыми телами и обхватив голову руками, он стал медленно раскачиваться, сжав губы в прямую, бескровную линию.

Мгновение спустя девятиэтажный дом огласил страшный крик, в котором сразу же потонули все остальные звуки. Встревоженные люди выходили на лестничную клетку, пытаясь понять, откуда донесся этот жуткий протяжный вопль то ли ужаса, то ли отчаяния, то ли того и другого вместе. Тем немногим, кто рискнул зайти в расположенную на седьмом этаже квартиру майора Северова, предстало зрелище, от которого кровь стыла в жилах, ноги подкашивались, а к горлу подкатывали тошнота и слезы.

Глава 5

– Значит, раньше ты никогда их не видел? – Прикуриль от настольной серебряной зажигалки, начальник питерского РУОПа полковник Кирилленко колючим, словно игла, взглядом буравил молча сидящего перед ним Северова.

Майор в который уже раз отрицательно покачал головой. Он снова посмотрел на стоящего возле окна спиной к ним человека в штатском, который, несомненно, внимательно следил за разговором, но не спешил принимать в нем участия. Кирилленко нахмурил брови, стряхнул пепел и побарабанил толстыми пальцами по крышке своего широченного стола.

– И они не называли друг друга по именам или кличкам? – задал следующий вопрос Кирилленко. Ты точно уверен, что у этого усатого, в черных очках, ботва на лице не настоящая? – Получив заранее ожидаемый кивок, полковник встал со стула, прошелся по кабинету и, неожиданно остановившись, резко обернулся в сторону командира СОБРА и бросил: – А ты не думаешь, что это был исчезнувший командир части, подполковник Шаталин?

– Нет! – глухим голосом произнес Сергей. – У меня хорошая память на лица, даже на те, которые приходилось видеть только однажды. Убийца не Шаталин. Тому не меньше пятидесяти, а этот... – Щека майора дернулась в нервном тике. – ...лет на десять моложе. Я бы узнал его даже без фальшивых усов и черных очков. Но я просмотрел весь архив и ничего...

– Значит, ты утверждаешь, что в твоей квартире был именно тот самый тип, которого вы упустили в Усть-Луге? Хозяин конфискованной партии героина на четыре миллиона долларов? – Кирилленко презрительно фыркнул. – Вот к чему могут привести тактические ошибки в работе отряда, майор!.. Непростительные ошибки!

Полковник хотел сказать еще что-то, но, поймав на себе тяжелый взгляд Северова и осознав, что доведенный до отчаяния спецназовец сейчас может броситься на него и вцепиться в глотку, предпочел заткнуться, оборвав в самом начале уже созревшую в голове эффектную речь.

Полковник вернулся назад в кресло, раздавил в пепельнице окурок и сложил руки на груди.

– А остальные? Те, что изнасиловали твою... жену? – добавил он, не обращая внимания на проступившие на скулах Северова мускулы. – Их тоже нет в архиве?

– Нет. Хотя без всякого сомнения, не новички в своем деле. Один высокий, краснорожий, судя по перебитому носу, бывший боксер, а второй – низкорослый с заячьей губой, слегка заикается. Думаю, через осведомителей их можно вычислить...

– На сей раз придется обойтись без ваших стукачей, майор, – подал голос человек в штатском. Отойдя от окна, он пересек просторный кабинет начальника РУОПа и опустился в кресло напротив Сергея. – Учитывая сложившиеся обстоятельства, я имею в виду потрясающее своей жестокостью убийство ваших близких, а также то, что есть все основания считать организатора расправы одним из крупнейших дилеров, работающих в северо-западном регионе международного наркосиндиката, дело передается на расследование в Федеральную службу безопасности. И возглавлять расследование руководство поручило лично мне. – Незнамец достал из нагрудного кармана серого пиджака красную книжечку с золотым двуглавым орлом на лицевой стороне и положил ее перед Северовым. – Подполковник Борисов, Петр Васильевич.

Сергей, бросив на удостоверение мимолетный взгляд, остался неподвижен. Чуть помедлив, Борисов понимающе кивнул и убрал документ обратно в карман.

– Что меня сейчас больше всего интересует, так это обстоятельства, из-за которых секретная информация, хранящаяся только в милицеевском компьютере и доступная лишь нескольким проверенным сотрудникам, смогла просочиться на сторону. Скажите, Виктор Викторович,

вич, откуда бандиты смогли узнать фамилию, имя и домашний адрес командира специального отряда быстрого реагирования?

– Мы тоже над этим думали, товарищ подполковник, и вот что удалось выяснить... – Кирилленко напустил на себя важный вид и, снова достав из лежащей на столе пачки сигарету, небрежно размял ее большим и указательным пальцами. – Спустя несколько дней после операции в Усть-Луге за служебное несоответствие был уволен один из офицеров инспекции по кадрам. По роду служебных обязанностей он имел доступ к личным делам всех бойцов СОБРа, в том числе и майора Северова...

Щелкнув зажигалкой, Кирилленко не спеша прикурил, дважды глубоко затянувшись густым сизоватым дымом.

– Фамилия офицера – Жур, звание – капитан. Причиной увольнения из рядов милиции послужил моральный облик Жура. Короче, в последнее время он стал слишком много пить! – уточнил, поморщившись, Кирилленко. – Несколько раз опоздал на дежурство, неоднократно задерживался за появление в пьяном виде... Имелась даже оперативная информация о его связях с организованной преступностью, в частности – с группировкой «тамбовцев». Якобы несколько раз его видели вместе с Сивым-Захарчуком в ресторане гостиницы «Санкт-Петербург». В общем, было принято решение об увольнении капитана из милиции. А через три дня после этого Жура нашли мертвым, неподалеку от собственного дома. Официальное заключение экспертов – смерть наступила в результате отравления фальсифицированной водкой. В крови обнаружили высокое содержание метанола. Так что, Петр Васильевич, у нас есть все основания предполагать, что именно Жур сообщил преступникам секретные данные о бойцах СОБРа, в частности о майоре Северове. А потом его могли напоить суррогатным спиртом и спокойно отпустить умирать. Чисто сработано. Никаких прямых улик.

– А что известно относительно других сотрудников, имеющих доступ к личным делам спецназовцев? – допытывался Борисов. – Проверили?

– Разумеется, – кивнул, довольно хмыкнув, полковник. – Нет ни малейших оснований полагать, что кто-либо из них мог иметь связи с представителями мафиозных группировок.

– Ну что ж, с определенной натяжкой, но вашу версию относительно Жура можно принять к разработке! – несколько секунд помолчав, кивнул фээсбэшник. – Мы еще раз отрабатываем ее по своим каналам. Что же касается майора Северова... – Взгляд подполковника Борисова стал чуть задумчивым. – То я бы посоветовал вам, Виктор Викторович, учитывая происшедшую с его семьей трагедию и пережитую им моральную травму, временно отстранить командира спецотряда от выполнения служебных обязанностей, тем самым дав ему возможность прийти в себя после пережитого...

– Я уже думал об этом, – согласился Кирилленко, выпуская через нос две струи сигаретного дыма. – Поэтому, не откладывая дела в долгий ящик, я сообщаю майору Северову о его отстранении от работы на два месяца. Командование отрядом до особого уведомления передается капитану Безукладникову. Есть вопросы, майор?

– Мне не нужен никакой отдых. Я чувствую себя вполне нормально! – бесцветным металлическим голосом сказал Сергей, блестящими глазами глядя то на окутанного клубами дыма Кирилленко, то на взявшего на себя расследование убийства его жены и дочери Борисова. – Мои личные проблемы никого не касаются!.. Я в полном порядке и готов командовать отрядом в любое время суток! – Для наглядности майор пошевелил пальцами все еще забинтованной руки.

– Боюсь, это не совсем так, майор, – сурово перебил фээсбэшник. – Не сомневаюсь, что в вашем нынешнем состоянии вы более чем готовы к проведению опасных операций по задержанию и обезвреживанию вооруженных преступников. Но я так же не сомневаюсь и в том, что отныне в каждом бритоголовом бандите вы будете видеть насильника и убийцу, что может вылиться в необоснованное применение оружия и кровавую расправу. А это, даже учитывая

криминальные «заслуги» тех, с кем приходится иметь дело СОБРу, было бы перегибом. Спецназовец, отправляясь на операцию, должен быть холоден и бесстрастен, а не гореть огнем мщения! – чуть повысил голос Борисов. – Поймите, майор, вас никто не списывает насовсем, вам просто дается возможность прийти в себя, подлечиться, а потом, если ваше психологическое состояние будет признано нормальным, вы снова вернетесь в отряд.

– Нормальным?! – прошипел Сергей. – Вы сказали – нормальным?!. После двух месяцев безделья, так и не отыскав убийц жены и дочери, ежеминутно сознавая, что эти выродки до сих пор спокойно наслаждаются свободой, безнаказанно топчут землю, хлещут водку и ржут, вспоминая в компании таких же, как сами, скотов, как у меня на глазах насиловали жену, я снова смогу стать «нормальным»?! Я никогда – слышите?! никогда не смогу снова стать «психологически нормальным» в вашем понимании, если не буду лично принимать участия в розыске убивших мою жену и дочь подонков! Неужели вы не понимаете, что вся моя дальнейшая жизнь теряет всякий смысл, если я не смогу лично расправиться с этими погаными гнидами, собственными руками разорвать их на куски, зубами перегрызть плотку, всадить в их рожи с десяток пуль и размазать их вонючие мозги по стене?!!

Сергей замолчал, задохнувшись от ярости. Облизав пересохшие губы и понизив голос почти до шепота, он закончил:

– Поэтому, подполковник, я, уже не официально, а чисто по-человечески, по-мужски, прошу вас только об одном: дайте мне возможность участвовать в розыске этих сволочей и, когда они будут найдены, под любым подходящим предлогом лично привести в исполнение приговор. Я знаю – ребята в отряде по достоинству оценят ваш поступок. Больше мне ничего не надо!..

Борисов, внимательно выслушав Северова, кивнул, потом не спеша пригладил и без того аккуратно уложенные и редющие на затылке волосы, тяжело вздохнул и, выдержав паузу, почти ласково сказал:

– Теперь мне действительно понятно, что я поспешил, считая, что после психологической травмы вам необходим отдых. Я ошибся. – Дрогнувшие было губы комитетчика резко сложились в прямую линию. – Теперь я нисколько не сомневаюсь, что вам требуется не только продолжительный отдых, но и серьезная реабилитация у психиатра! А также я более чем уверен, что и после того, как вы завершите курс необходимого лечения, вас не следует снова ставить командиром отряда специального назначения. Иначе вместо группы захвата в самое ближайшее время после возвращения в строй майора Северова мы получим хорошо обученную армию профессиональных хладнокровных убийц, которые будут применять оружие на поражение при каждом удобном случае и вместо задержанных оставлять после себя лишь горы остывающих трупов! Виктор Викторович?!

– Да, Петр Васильевич, – мгновенно прогнулся перед фээсбэшником Кирилленко, угодливо кивнув. – Я полностью разделяю вашу точку зрения. Лучше будет, если после отпуска и медицинского освидетельствования я переведу майора Северова в одно из подразделений, где сотрудники не имеют доступа к табельному оружию. Например, в кинологическую вспомогательную службу. Если мне не изменяет память, майор Северов – большой любитель служебных собак и совсем недавно взял себе на воспитание щенка восточно-европейской овчарки. Как вы на это смотрите?..

Северов понял, что надеяться на понимание этих служивых крыс, думающих лишь о собственной заднице, так же бесполезно, как искать убийцу по телефонному справочнику. Глядя на ухмыляющуюся щекастую рожу столичного ставленника и на самодовольного Кирилленко, майор едва удержался от желания двинуть что есть силы кулаком по этим самодовольным мордам.

Он встал, достал из кармана кителя удостоверение сотрудника МВД и, с ненавистью глядя в глаза Кирилленко, бросил его на стол. Рядом положил свой табельный «стечкин».

– В таком случае, полковник, можете считать, что с этой минуты я увольняюсь со службы по собственному желанию! Или – по вашему рапорту, на это мне совершенно наплевать!

Борисов и Кирилленко переглянулись. Сергей направился к двери.

– Остановитесь, майор! – больше для порядка, чем из желания что-то изменить, рявкнул полковник. – Я еще не все сказал!

– Зато я сказал все, – холодно ответил Северов. – Прощайте, полковник. А с ребятами я как-нибудь сам попрощаюсь.

Развернувшись, Сергей вышел из кабинета, громко хлопнув дверью.

– А ведь он так просто не остынет, он самостоятельно попырует найти их, – нахмурился фээсбэшник, когда стихли доносящиеся из коридора шаги. – И может серьезно попортить нам карты... Этого допустить нельзя. Этот псих поставит под угрозу срыва всю операцию.

– Может, хотя бы на первое время подключить к прослушиванию его домашний телефон и посадить на хвост проверенного сотрудника? – с готовностью предложил полковник.

– Нет, не надо, – задумчиво покачал головой Борисов. – Мы сами им займемся, если потребуется. Вы лучше, Виктор Викторович, вот что сделайте... – Фээсбэшник взял со стола оставленный Сергеем пистолет и, повертев его в руках, положил назад. – Надо написать за Северова рапорт с просьбой уволить его из рядов МВД по состоянию здоровья и подготовить соответствующее медицинское заключение.

– Считайте, что он уже гражданский! – уверенно заявил Кирилленко. Открыв верхний ящик своего стола, он широким жестом смахнул в него удостоверение и «стечкин» и нажал кнопку на селекторе: – Лиза, принесите два кофе. И побыстрее, пожалуйста.

Глава 6

Покинув Большой дом на Литейном, Сергей сел в машину и поехал в Сосново, где на берегу живописного лесного озера у него был оставшийся от отца Татьяны, егеря, небольшой домик и где они с Иваном жили в спартанской обстановке со дня убийства, наведываясь в городскую квартиру лишь в случае крайней необходимости. И дело здесь было совсем не в том, что Сергей опасался повторного визита подонков, которые уже наверняка знали, что ему удалось выжить. Он знал, что никогда больше не сможет жить в квартире, где на его глазах были убиты два самых близких для него человека. От нее придется избавиться, подыскав для себя другие стены.

Северов гнал «Жигули» по Выборгскому шоссе и думал о будущем, в котором теперь у него была только одна цель – месть.

Оставленный в кабинете Кирилленко «стечкин» не имел никакого значения – у бывшего командира спецотряда имелось несколько единиц огнестрельного и холодного оружия. Было и кое-что еще – камуфляжная форма, маска, прибор ночного видения, комплект раций, две пары наручников и портативная ракетница. Северову опытные люди говорили, что с ее помощью с близкого расстояния можно было проделать в человеке сквозную дыру размером чуть ли не с кулак. Так что с оружием все было в порядке. Оставалось дело за информацией. Сергей нуждался в человеке, хорошо ориентирующемся в криминальном мире Питера и лично знакомом с серьезными питерскими авторитетами. То есть Северову необходим был осведомитель, проще говоря, стукач. Ибо только через стукача можно было выйти сначала на след убивших его жену и дочь скотов, а уже потом заставить этих ублюдков ползать в луже собственной крови.

Сергей знал такого человека. По документам его звали Анатолием Ковровым, но окружение, да и сам Северов величали его не иначе, как Короед. Среди «быков» и ворья он считался своим, в чем немалую заслугу имел старший брат Короеда, известный в Питере налетчик, главарь крупной банды, приговоренный в прошлом году к расстрелу и после амнистии отбывающий пожизненный срок на острове Каменном, в тюрьме особого назначения. В отличие от старшего младший брат был гораздо менее крутым, хотя возглавляемая им бригада домушников-«чуркестанцев» работала вполне успешно, принося своему «бугру» достаточный для вольготной жизни доход.

Северов давно хотел завести в криминальной среде города своего персонального, не известного ни начальству, ни сослуживцам агента, и, как только представился подходящий случай, он взял Короеда в железные клещи, поставив перед выбором – получить пятнадцать лет за умело «подставленного» под него Северовым совершенно «левого» жмурика, прибавив к убийству статью за распространение наркотиков, либо на неопределенный срок стать негласным осведомителем командира СОБРа. Короед, справедливо решивший не менять «Мерседес», девочек и рестораны на тюремную робу, тошнотворную пайку и сомнительные удовольствия расслабления с лагерными «петухами», недолго думая, согласился. И с тех пор неоднократно содействовал спецотряду в его нелегкой, но нужной простым законопослушным гражданам работе.

Миновав дорожный указатель с надписью «Лосево» и проехав по мосту, Сергей остановил машину возле маленького придорожного кафе. Зайдя внутрь, он заказал стакан минералки и попросил разрешения позвонить. Набрал номер мобильного телефона Короеда. А когда тот ответил своим традиционным «Кремль на проводе!», Северов спокойно сказал:

– Здравствуй, Толик. Узнаешь? – Судя по затянувшейся паузе, Короед узнал Северова мгновенно, наверняка проклиная тот день, когда был вынужден дать согласие работать на этого ушлого мента.

– Не могу сказать, что с нетерпением ждал твоего звонка, майор, – помолчав, наконец пробормотал Короед.

– Не сомневаюсь. И все же надо встретиться, Короед. Завтра в десять вечера подъезжай на старое место. Если исполнишь мою просьбу, будем считать, что мы в расчете. Ты плывешь своей дорогой, я – своей.

– Неужели?! – усмехнулся Короед. – Ладно, посмотрим. Только в десять я не смогу. Давай в половине одиннадцатого.

– Договорились.

Сергей положил трубку, выпил стоящую перед ним на барной стойке минералку, расплатился и вышел. Сев в машину, вырулил на шоссе и увеличил скорость до ста двадцати. На большее десятилетняя «шестерка» уже не тянула...

Хотя и не хотелось Сергею думать о таких шкурных вещах, как деньги, но выбора все равно не было. Сейчас, после увольнения из спецотряда, вопрос о средствах к существованию вставал очень остро. После похорон Кати и Татьяны в распоряжении Северова оставалось всего две тысячи долларов. Когда они кончатся, надо будет чем-то зарабатывать на жизнь. Но что он умеет? Прицельно стрелять с двух рук одновременно, лихо водить автомобиль, пользоваться спецсредствами прослушивания и охраны, в течение тридцати секунд отправить в нокаут прилично владеющего единоборствами соперника, а также просчитывать милицейскую операцию по захвату или ликвидации противника на два хода вперед? С такими специфическими знаниями он, если повезет, пожалуй, мог бы стать шефом службы безопасности какого-нибудь крупного банка. Или...

Северов ощутил, как напряглись мышцы на его лице, а пальцы, словно стальные захваты, крепче сжали кожаный чехол на руле машины.

«Нет, все это только нервы... Только нервы и неудовлетворенная жажда мести», – убеждал он сам себя, но уже проникшая из глубины подсознания ледяная мысль железными когтями вцепилась в него, не давая думать о чем-то другом.

После работы в СОБРе Северов окончательно убедился, что, используя насквозь дырявый Уголовный кодекс, страну не избавить от разгулявшейся на ее просторах бандитско-воровской мрази, упивающейся своей безнаказанностью. Что толку от эффектных арестов, с риском для жизни практически ежедневно проводимых СОБРОм и ОМОНОм, если уже спустя несколько дней задержанных преступников, которых в лицо знает каждый сотрудник милиции, приходится снова отпускать на свободу.

Нет, с этой мастью можно бороться только ее же методами! Только так! Мстить! За жену и дочь, за каждого из погибших товарищей по отряду! Око за око! Зуб за зуб! Разве не так написано в Ветхом Завете?.. Разве не этого сейчас жаждет сам Северов, на глазах которого зверски замучили двух самых близких ему людей?! А сколько в одном только Питере таких же, как он, людей, озлобленных беспомощностью и безразличием должной их защищать власти, но не способных восстановить справедливость и самостоятельно наказать подонков?! Сколько их, вынужденных полагаться только на честных и порядочных следов, и без того творящих чудеса в раскрытии преступлений и получающих за это нищенскую зарплату, которую любой из «быков» с легкостью истратит за один вечер в компании со шлюхами?!. Тысячи и тысячи! А честных и порядочных ментов, работающих на одном энтузиазме, – все меньше и меньше... Одним энтузиазмом, увы, сыт не будешь!

Сергей в который раз поймал себя на мысли, что после всего происшедшего с ним и его семьей он больше всего хотел стать именно палачом! Собственными руками, не оглядываясь на придуманные шелкоперами бумажные законы, уничтожать вконец зарвавшихся грязных подонков, тех, кого он сам лично посчитает достойным кандидатом на роль мертвеца!

Остановив машину возле одноэтажного домика-сруба, одиноко стоящего в лесу, на берегу озера Отрадное, Северов уже отчетливо представлял, что ему делать дальше и как жить.

Он достал спрятанные под крышей дома ключи и открыл тяжелый навесной замок. Распахнув дверь, Сергей присел на корточки и обнял радостно бросившегося к нему щенка, которого на целых семь часов оставили совершенно одного.

– Привет, Кайбур, как ты здесь без нас? Соскучился?!

Щенок, отчаянно виляя хвостом, приподнялся на задние лапы и лизнул Сергея в лицо своим теплым и мягким языком.

Глава 7

В ночных сумерках неподвижная гладь озера была похожа на гигантское матовое зеркало, с пересекающей его желтой дорожкой от взошедшей над лесом полной луны. Вздрагивающее от слабых порывов ветра пламя костра кидало желтый мерцающий свет на лица сидящих на поваленном дереве мужчин.

Иван поднял лежащую рядом палку и поворошил ею потрескивающие поленья.

– Значит, ты хочешь стать наемным убийцей, отец? – спокойно, без малейшей толики осуждения или каких-либо других эмоций, спросил он.

– Нет, не так, сын, – покачал головой Сергей, глядя, как языки пламени беспощадно высушивают и уничтожают, превращая в черную золу, отсыревшее после дождя дерево. – Если отбросить эмоции и громкие слова, то я буду продолжать заниматься тем же самым, что и все последние годы, – бороться с преступностью. Обычная работа. Кто-то же должен ее делать?.. Если государство бессильно...

– Как «Белая стрела»?! – Губы Ивана едва заметно дрогнули.

Миф о якобы существующем в российской милиции секретном подразделении, занимающемся физическим устранением крупных криминальных авторитетов, уже давно гулял не только в скандальной «желтой» прессе, но и в высоких кабинетах. Но до сих пор никаких достоверных подтверждений существования отряда не было – только слухи.

– Может быть... – пожал плечами Сергей. – Хотя я лично не верю в существование «Белой стрелы». В ФСБ есть одна команда под названием «Вымпел», но, судя по всему, ребята уже давно и с успехом работают только на самих себя.

– И каким образом ты собираешься получать заказы? – так же спокойно, без эмоций, спросил Иван. Он нагнулся и погладил по спине свернувшегося возле ног спящего Кайбура.

– Это не так сложно, как кажется. Я знаю как, но тебе лучше об этом не думать. Меня сейчас интересует другое – согласен ли ты помогать мне или нет?

– Согласен? – вскинулся сын. – Да я готов уничтожать эту мразь всегда и везде, днем и ночью, оружием и голыми руками!!! – Задыхнувшись от нахлынувших эмоций, Иван замолчал, вспомнив страшную картину смерти матери и сестры.

Слегка успокоившись, осторожно взял стоящую возле костра горячую кружку с ароматным чаем и, обжигаясь, сделал несколько глотков. – Мой ответ – да!

– Конечно... Я и не сомневался в тебе, сын, – чуть слышно отозвался Сергей, прикуривая от тлеющей сосновой ветки. Сделав несколько глубоких затяжек, он бросил ветку обратно в огонь. – Скажи, ты готов пожертвовать нашей квартирой ради моей... смерти?

– Что?! – Иван резко повернулся, встретившись с отцом настороженным взглядом. – О чем ты?!

– Бывший командир СОБРа майор Северов должен быть мертв и похоронен рядом с женой и дочерью на Южном кладбище. Иначе нет никакого смысла вообще говорить об этом. Ты меня понимаешь?

– Теперь, кажется, понимаю, – нахмурился Иван. – Мерзкое занятие. Нужно искать бесхозный труп, примерно одного с тобой возраста и одной группы крови... А потом...

– Потом всадить в него несколько пуль, облить бензином и оставить гореть, – закончил за сына Сергей. – Но иначе нельзя. Для всех я должен быть мертв. Только тогда я смогу спокойно начать работать.

– И где ты собираешься искать подходящего «жмурика»? – не без усмешки спросил Иван, отхлебывая горячий чай. – Купишь в ближайшем морге?

– Ошибаешься, сынок. Я сам сделаю его. Из живого, – ледяным голосом сообщил Северов и посмотрел на сына таким пронзительным взглядом, что Ивану стало не по себе. – Ты не

понял, – сухо сказал Северов, предупреждая вопрос сына. – Если ты считаешь меня настолько беспринципным, что я просто так, без причины, могу убить человека, то ты глубоко заблуждаешься. Я действительно собираюсь убить, но только назвать этого выродка человеком у меня даже язык не поворачивается!..

Он нахмурился, жадно затянувшись сигаретой. Наступившую тишину нарушал только треск горящих поленьев и тихое поскуливание вздрагивающего во сне щенка.

– Незадолго перед Новым годом мы с ребятами брали в Зеленогорске банду ублюдков, специализирующихся на детской проституции, – сквозь зубы произнес Сергей, и на его застывшем лице заиграли желваки. – Эти мерзавцы выискивали семьи, где родители беспробудно жрали водку, и, обработав их как следует, покупали у них полуголодных мальчиков и девочек, начиная с десятилетнего возраста. И везли в особняк в Зеленогорске. Там детей отмывали, откармливали, сажали «на иглу», а потом угрозами и ежедневными издевательствами заставляли убаживать богатых сволочей, приезжавших на Финский залив покутить и удовлетворить свою извращенную похоть!

– Твари!.. – вырвалось у Ивана. – Почему ты мне раньше об этом не рассказывал?

– Я тебе много чего не рассказывал, – отсек Сергей. – Так вот! В этом борделе существовала своя такса за услуги – от трехсот до тысячи долларов за ночь, в зависимости от возраста и «качества» предоставляемого «товара»... Весьма солидный доход приносили светловолосые мальчики и девочки от десяти до четырнадцати. – Северов невольно вздрогнул. – Дороже всего ценились девственницы. Однако и недостатка в клиентах не было... Когда девочки подрастали и спрос на них падал, им оформляли фальшивые паспорта и отправляли в публичные дома Ближнего Востока и Турции... – Сигарета была выкурена до фильтра, и Сергей щелчком выбросил ее в костер. – Зеленогорская ментовка, естественно, была куплена со всеми потрохами, причем кое-кто из руководства регулярно и бесплатно пользовался услугами борделя. Так он и работал почти шесть лет, до тех пор, пока одной девочке чудом не удалось бежать. Добравшись до железнодорожной станции, она позвонила по телефону домой и со слезами на глазах стала умолять пьяную вдрызг мать забрать ее обратно... Та, сволочь, даже не испугавшись, что кто-то узнает о том, что она месяц назад продала дочку каким-то мужикам за сто баксов и ящик сивухи, предпочла не тащиться в одиночку среди ночи в такую даль, а добралась на полусогнутых до отделения милиции и заплетающимся языком сообщила, что у нее три дня назад украли девочку, и сейчас она сбежала от похитителей и умоляет ее забрать со станции «Зеленогорск». Группа, конечно, была поднята по тревоге и помчалась за ней вместе с мамашей. Не каждый день у нас еще случается киднепинг, событие чрезвычайное!.. Девчушку нашли в зале ожидания вокзала, всю избитую, в синяках и кровоподтеках... Она была в таком состоянии, что ее срочно отправили в местную больницу. На следующий день она дала показания, объяснила, как найти нужный дом, предупредила, что у охранников есть оружие, и мы помчались на захват. Да только поздно – кроме хозяина дома, некоего Клима Стацевича, депутата облсовета, там уже никого не было! Чисто, никаких следов! Словно и не было никакого детского публичного дома... Стацевича, правда, несмотря на его возмущение и угрозы, мы тогда здорово отметелили, да все без толку! Его адвокат, несмотря на показания девочки, которую этот зажавшийся ублюдок лично несколько раз насиловал, уже на следующее утро привез постановление об освобождении под подписку. Догадываешься, чья там стояла резолюция?!

– Наверно, прокурора, – кивнул Иван.

– Так и есть! Тоже одного из постоянных клиентов... По ходу дела стало вылезать всякое дерьмо. Мать девочки изменила первоначальные показания, рассказав, что ее дочь сама убежала из дома... Остальных детей, которых успели перевезти в другое место, так и не нашли. Когда будет суд, и будет ли он вообще, неизвестно.

– Понятно. – Иван закурил и, немного помолчав, спросил: – Так мертвец, который должен лечь в могилу вместо тебя и который пока еще жив... кто?

– Этот оборотень – Стацевич. Он до сих пор преспокойно живет в своем втором доме, в Сестрорецке, и ездит на заседания областной думы на служебной «Волге». Он примерно моего роста, ему, как и мне, тридцать восемь, и я точно знаю, что у него первая группа крови и положительный резус-фактор. В паспорте есть запись, сделанная еще военкоматом. – Сергей немигающим взглядом смотрел на освещенную полной луной серебристую гладь озера, над которым проносились темные силуэты ночных птиц. – Но только труп этой грязной свиньи никогда не будет находиться рядом с твоей матерью и сестрой. В гробу, который опустят в могилу, будет мешок с песком. Возможно, когда-нибудь там окажусь я...

Бывший командир СОБРа повернулся к сыну:

– Что скажешь, сержант?

– Мне кажется, что господин Стацевич уже несколько лишних лет живет на этом свете.

– Я тоже так думаю. – Северов поднял обугленную на конце сосновую ветку, поворошил медленно затухающий огонь костра, положил обмотанную бинтом руку Ивану на плечо и замолчал.

Над верхушками опоясывающего озеро леса уже забрезжила голубая полоска рассвета, которая с каждой минутой становилась все ярче и выше. И вскоре из-за деревьев показался край раскаленного солнечного диска, моментально окрасивший поверхность озера в необычный и причудливый, янтарно-стальной цвет.

Глава 8

На встречу с Короедом Сергей приехал заранее. Оставив машину на пустынной набережной утопающей в разноцветных огнях Невы, в трехстах метрах от нужного места, он вышел, закурил, некоторое время постоял, облокотившись о чугунное ограждение текущей внизу реки, а когда наручные часы подали короткий сигнал, прошел вперед и по гранитным ступенькам, по обеим сторонам от которых навеки застыли на постаментах каменные львы, спустился к самой воде.

Через пару минут до Сергея донесся стук работающего на малых оборотах лодочного мотора, и вскоре к причалу подошел небольшой катер-такси, из тех, что обычно швартовались на стоянке неподалеку от Казанского собора. Сидящего в кабине человека Северов не видел, зато в примостившейся на корме невысокой худой фигуре, облаченной в длинный кожаный плащ, сразу узнал Короеда. Сбавив ход, катер пристал к набережной. Сергей подошел к краю и перепрыгнул на покачивающийся на волнах борт водного такси, мотор которого тут же прибавил оборотов.

– Ну, привет, Толян. – Северов опустил на деревянную скамью, стараясь разглядеть через мутное стекло сидящего в кабине пожилого лодочника. – Как жизнь воровская?

– Майор, у меня мало времени. Сегодня у одной телки день рождения, так что я спешу. Мне еще в Купчино переться! Приступай к главному! – состроил недовольную гримасу Короед, вжав свою курчавую голову в поднятый воротник плаща. – Дубак, бля, достал...

– Да, прохладно. Хоть и май на носу, – согласился Сергей, невольно залюбовавшись проплывающим по левому борту Эрмитажем, ярко освещенным сотнями ярких прожекторов. – А дело у меня к тебе, Толик, такое... – Северов обернулся и пристально посмотрел на вора, жмурившегося от встречного свежего ветра. – Нужно по внешнему описанию найти двух братанов. Рожи у них колоритные, так что ошибки здесь быть не может, главное, «пробить поляну», а в этом деле ты мастер! Наверняка больше половины питерских отморозков в лицо знаешь. Разве не так?

Короед покачал шишковидной головой.

– Видать, крупно понадобились тебе эти парни, раз ты ради них готов оставить меня в покое... – Вор задумался, потом исподлобья недоверчиво посмотрел на Северова: – А что, начальник, действительно, готов?!

– Ты, Толик, мое слово знаешь – отсек Сергей, прикуривая. – Сам сказал – ближе к теме.

– Ладно, попытка не пытка, – пожал плечами Короед. – Вдруг я действительно знаю этих «быков», чем черт не шутит... Нарисуй-ка их портреты, майор!

– Обоим примерно лет по двадцать восемь—тридцать. Один крупный, накачанный, – вполне вероятно – бывший борец или боксер. Нос свернут вправо, уши поломаны. Рожа красная, прыщавая, челюсть квадратная, голос грубый. – Северов стряхнул сигаретный пепел в шумящую за бортом катера черную воду. – Второй – маленький, коренастый, ноги кривые. Верхняя губа рваная... И, главное, слегка заикается. Вот такие приметы. Ну что, есть предположения?

– Трудно сказать, – после долгой паузы ответил Короед, отвернувшись в противоположную от Северова сторону. Он изо всех сил старался, чтобы командир спецназа не уловил изменений в его дрогнувшем голосе.

По подробному описанию майора вор сразу же узнал во втором Винта, одного из «быков», ходящих под петродворцовым авторитетом по кличке Пегас. Когда-то, когда еще гулял на свободе старший брат Короеда, они однажды на троих с Винтом «раскатали» подцепленную на Невском шлюху, после чего отвезли ее за город и ради разнообразия оставили голой в лесу, хотя на календаре был ноябрь. Винт был настоящим корешом, совершенно лишенным

страха и «отвязанным» напрочь. Сдавать его на съедение мусорам Короеду не хотелось, но еще больше ему не хотелось продолжать встречаться с этим ментом, уже почти год держащим его в стальных клещах и способном при желании упрятать в «торбу» минимум лет на восемь. Ситуация, что и говорить, складывалась шкурная, и здесь стоило все серьезно обдумать.

– ...Насчет второго, – заговорил Короед после паузы, – надо будет поднапрячь память в спокойной обстановке. Фейс у него действительно запоминающийся, может, где и встречались... Что касается краснорожего, – вор усмехнулся, – то здесь я тебе не помощник! Под такие приметы, какие ты нарисовал, подходит каждый пятый братэлла. Сам посуди! В любой, самой сраной бригаде обязательно найдется высокий амбал с красной пропитой рожей, пудовыми кулачищами и квадратной челюстью. На таких вот бывших боксерах несколько лет весь наш отечественный рэкёт держался! Это уже потом их столько всяких повылазило... Нет, майор, с громилой дело дохлое, сразу говорю. Если и сыщешь его, то только по чистой случайности, а так – забудь!

– Питер – город маленький, – многозначительно заметил Северов. – Поищи-поищи. А сейчас давай, поворачивай своего извозчика обратно. Через пару дней позвоню. И не забывай, Короед, – поможешь мне найти хотя бы одного из них, считай, что свободу свою ты отработал.

– Я помню, не волнуйся, – огрызнулся Ковров, сплюнув за борт. Он поднялся со скамейки, подошел к кабине и постучал по оргстеклу. Дождавшись в ответ понимающего кивка лодочника, вернулся назад. – Предложение, конечно, выгодное, да только выше жопы не прыгнешь.

– Надо прыгнуть, Толян, надо, – тоном, не терпящим возражения, ответил Северов. – Иначе тебе, голубок сизокрылый, как говорят у вас, блатных, век воли не видать.

– Да ты че, майор?! – взорвался вор, подпрыгнув, словно его в задницу ужалила ядовитая змея. – Ты че, в натуре?! Да я же на тебя столько времени, а ты!!!

– Свобода, Короед, дорогого стоит, – поучительно сказал Северов. – Если максимум через три дня я не получу нужную мне информацию хотя бы про одного из двух «быков», можешь считать, что мы с тобой не договорились. Только дело я тебе шить не стану, слишком много возни. Просто на следующее утро после окончания данного мной срока вся питерская уголовка узнает, что Толян Ковров – поганая ссучившаяся крыса, в течение долгого времени стучавшая командиру СОБРа. И что благодаря ему менты «замочили» Стрелочника и пересажали еще с десятков «нормальных пацанов». Усек?.. Так что выбор у тебя только один: рыть носом землю, перевернуть вверх дном весь город, но достать мне любого из двух «быков». Иначе мне тебя будет очень не хватать, Короед.

Катер подплыл к гранитным ступенькам, спускавшимся к набережной. Северов спрыгнул с борта и покинул катер под злобным взглядом вора. Он прошел мимо стоящей неподалеку от причала темно-синей «БМВ», в салоне которой за темными светонепроницаемыми снаружи стеклами в клубах сигаретного дыма находились четверо случайно оказавшихся здесь людей, сел в свою «шестерку», завел двигатель и поехал в сторону Троицкого моста.

– Очень интересно... – пробормотал сидящий рядом с водителем «БМВ» мужчина, внимательно вглядываясь в удаляющиеся в темноте красные огни «Жигулей». Когда они пропали из виду, он повернулся к сидящим сзади и вопросительно посмотрел на них сквозь солнцезащитные очки, с которыми не расставался даже ночью.

– Или мне показалось...

– Этот Ковров-младший брат того Коврова, которому не так давно дали вышак за разбой и пятерых жмуриков, – утвердительно кивнул лысый толстяк в черном кашемировом пальто, заталкивая окурочек в переполненную пепельницу на двери. Нажав на кнопку, он на треть опустил стекло. – А кто этот, с забинтованной рукой?

– Представь себе, не кто иной, как мент, майор Северов.

– Что... тот самый?! – Брови толстяка удивленно полезли на лоб.

– Да, как видишь – снова объявился, – хищно прищурившись, прошипел человек в черных очках. – Вернулся с того света. Черт, надо было за ним ехать! В квартире своей он уже не появляется, скрывается где-то...

– Думаешь, опасен? – зевая, поинтересовался лысый. – Вряд ли. Он сам боится, поэтому и прячется. Забудь о нем. Подумай лучше о стволах, которые тебе следует переправить сюда из Эстонии. Пять тысяч единиц – это серьезно.

– Знаю. Но меня сейчас больше другое волнует – о чем таком интересном могли разговаривать наедине вор-домушник, родной брат смертника, и мент, командир «бешеных мусоров»?

– Если интересно – возьми да спроси, – фыркнул толстяк. – Делов-то на три копейки!

Он взглянул на наручные часы в золотом корпусе и похлопал по плечу сидящего за рулем телохранителя:

– Тимур, давай в «Прибалтийскую». Нас ждут.

– Спросить, говоришь? – пробормотал, нахмурившись, человек в черных очках. – Что ж, спрошу...

Глава 9

Сергей оставил машину в квартале от своего дома, вышел и посмотрел на часы. Без десяти четыре утра. В это время спят практически все – от уже успевших уgomониться алкашей и полуночников до досматривающих последние сны «жаворонков» – любителей просыпаться на рассвете. Подтверждением этому служило лишь одно светящееся окно шести жилых домов, мимо которых прошел Северов.

Сегодня он в предпоследний раз зайдет в квартиру, где были убиты жена и дочь, заберет из нее спрятанный в тайнике автомат «узи» с комплектом патронов, баллончик с нервно-паралитическим газом, электрошокер и кое-что еще. Потом он вернется туда еще лишь единожды, чтобы оставить там мертвого подонка Стацевича, которому посмертно предстоит сыграть свою роль – убитого и сожженного бандитами майора Северова.

Сергей зашел в освещенный тусклой лампочкой подъезд, на лифте поднялся на седьмой этаж и открыл дверь квартиры. И застыл, ощущая, как в висках с жуткой силой начинает стучать ускоряющийся пульс. Тот страшный вечер, разделивший его жизнь на две половины, все еще стоял перед глазами...

Дважды глубоко вздохнув, Северов взял себя в руки и направился в гостиную. Там, к задней стенке гардероба, был приклеен скотчем компактный израильский автомат. Оторвав его от фанеры, Сергей снял с холодного металла полоски скотча и положил «узи» в приготовленную заранее спортивную сумку. Потом прошел в спальню и принес оттуда спрятанную под кроватью коробку с патронами. Распахнул стеклянные створки среднего отделения мебельной стенки, достал оттуда деревянную шкатулку с орденами и маленьким брезентовым мешочком, в котором хранились извлеченные военными хирургами из его тела семь пуль, и тоже положил их в сумку. Из плотного ряда выстроившихся в верхнем отделении книг вытащил толстый альбом с фотографиями. Из кладовки принес спрятанные на антресолях наручники, электрошокер и газовый баллон «ви-икс». Кажется, это было все...

И вдруг в абсолютной тишине квартиры оглушительным трезвоном напомнил о себе находящийся в прихожей, на подвесной полочке, телефон. Сергей обернулся, подошел к надрывающемуся аппарату и протянул руку, в последний момент задержав пальцы в сантиметре от трубки. Кто бы это мог быть? Он еще раз взглянул на часы, которые показывали уже двадцать минут пятого, наконец, решившись, медленным движением поднял трубку и молча приложил ее к уху.

– Алло?! Алло?! Сергей Николаевич, это Юрий Фергер!.. Вы меня слышите, алло?!

С председателем правления «Северного торгового банка», Юрием Фергером Сергей виделся лишь однажды. Это было примерно полгода назад, когда возглавляемый Фергером банк неожиданно объявил о своем решении выплачивать ежемесячные пособия семьям погибших при исполнении служебных обязанностей сотрудников питерских спецподразделений милиции. Станный жест финансовых воротил, вдруг заговоривших о необходимости посильной помощи правоохранительным органам, вызвал тогда у Северова противоречивые чувства. Он, как и абсолютное большинство его товарищей, считал, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Следовательно, широкий жест «новых русских» был какой-то хитрой акцией, цель которой пока оставалась в тени. Но, как бы там ни было, все понимали, что предлагаемые банком ежемесячные сто пятьдесят долларов каждой семье погибшего милиционера отнюдь не были лишними. Поэтому полковник Кирилленко и банкир Фергер, с улыбкой и взаимными благодарностями пожав друг другу руки, подписали совместный документ. Так или иначе, обещанные банком деньги до сих пор выплачивались регулярно...

Сказать, что позвонивший Северову банкир был взволнован, – значило не сказать ничего. Он был просто в панике. Северов сразу же ощутил это по дрожащему голосу и прерывистому, свистящему дыханию.

– Да, я вас слушаю, – ответил Сергей. – Что-то случилось, Юрий Германович?

– Извините, ради бога извините, что беспокою вас среди ночи, но произошло страшное, немыслимое!.. Помогите, умоляю!..

– Прежде чем вы продолжите, – сухо вато сказал Северов, – ответьте мне на один вопрос: вы уже в курсе, что я больше не являюсь командиром СОБРа?

– Естественно! Поэтому я звоню именно вам, а не дежурному на Литейный проспект!.. – Фергер просто захлебывался словами. – Прошу вас, умоляю, встретиться со мной немедленно, сейчас!.. Вы – моя последняя надежда! – Казалось, доведенный каким-то ужасным событием до крайнего нервного перенапряжения мужчина сейчас разрыдается. – Я пришлю за вами машину... Ради бога!..

– Так! – жестко оборвал его Сергей. – В общих чертах, без подробностей: что стряслось?

– Постараюсь!.. – прерывающимся от волнения голосом прохрипел Фергер. – Вчера... неизвестные похитили мою... дочь... Машеньку, причем вместе с... гувернанткой! – выкрикнул он. – Потом мне позвонили по телефону и предупредили, чтобы... чтобы я не вздумал обращаться ни в милицию, у них там, мол, есть свой человек и он сразу же сообщит об этом, ни тем более к начальнику службы безопасности банка, так как он вообще не способен хоть как-то повлиять на ситуацию, а охранники к тому же наверняка проболтаются ментам. Тогда Машеньку убьют, разрежут на куски и пришлют мне в пяти посыльных коробках по почте!.. Сказали, чтобы я... заткнулся и ждал дальнейших... указаний. – В трубке слышались сдерживаемые рыдания. – А час назад я получил заказную бандероль с видеокассетой... Там такое заснято!..

– Достаточно, – металлическим голосом перебил Сергей. – Дело серьезное. Я согласен встретиться с вами, но только с одним условием.

– Все, что угодно! – поспешил успокоить Северова банкир. – Если Машенька вернется ко мне целой и невредимой, я обещаю, что вам больше никогда не придется думать о деньгах!!!

– Не о том речь, Юрий Германович, – жестко бросил Сергей. – Раз вы позвонили именно мне, то, видимо, не сомневаетесь в том, что я – профессионал, верно? И что у меня достаточно опыта для того, чтобы правильно оценить ситуацию и выбрать единственно верное решение.

– Конечно, конечно!

– Следовательно, вы мне доверяете. А значит, делайте то, что я скажу. Каким бы ни было мое решение, прежде всего вы должны пообещать, что выполните его безоговорочно. Понравится оно вам или нет. От этого будет зависеть жизнь вашей дочери.

– Но...

– Если вы не согласны, то можете действовать на свой страх и риск, – закончил Северов.

– Хорошо, я поступлю, как вы мне скажете, майор, – после долгой паузы наконец произнес банкир. – Целиком и полностью полагаюсь на ваш личный опыт в подобных делах и на профессионализм.

– Вы правильно решили, господин Фергер. Ответьте мне еще на один вопрос: кто еще, кроме вас, в курсе похищения вашей дочери?

– Только жена и один из охранников. Больше я никому не говорил.

– И не говорите. Встретимся через полчаса на углу Обводного канала и Лиговского проспекта. Какая у вас машина?

– Я буду на темно-зеленом «Мерседесе», номер 55–27. Возьму с собой видеосистему, чтобы вы смогли посмотреть кассету как можно скорее.

– Как только приедете на место, сразу пересядьте на сиденье пассажира. Я должен сам убедиться, что за вами не следят. Все!

Не прощаясь, Северов положил трубку на рычаг и вернулся в комнату за сумкой с вещами. Закинув ее на плечо, он закрыл квартиру, спустился вниз и, выйдя на пустынный двор, двинулся к припаркованной у сквера «шестерке».

Глава 10

Проезжая по мосту через Обводной канал, Северов уже заметил стоящий у тротуара с потухшими фарами «Мерседес» Фергера. Проехав еще немного, Сергей свернул в первый попавшийся двор-колодец, оставил там машину и пешком, обследовав все вокруг, вернулся назад. Поравнявшись с «Мерседесом», он без лишних условностей распахнул водительскую дверь и сел на сиденье, тут же повернувшись к находящемуся рядом банкиру.

В глазах Фергера застыл страх. Лежащие на коленях руки, в одной из которых была зажата тонкая коричневая сигара, чуть заметно дрожали. Словом, он выглядел так, как и положено человеку, у которого сутки назад похитили и до сих пор не вернули маленькую дочь.

– Для начала мы немного прокатимся, – спокойно сказал Сергей, поворачивая блестящий ключ в замке зажигания. – А вы, Юрий Германович, пока подробно расскажите, при каких обстоятельствах похитили вашу дочь и гувернантку.

Поставив переключатель в положение «драйв», Северов плавно тронул машину с места и, быстро увеличивая скорость, поехал вдоль канала в сторону Невы, то и дело бросая внимательные взгляды в зеркало заднего вида.

– Это случилось вчера днем, – нервно затянувшись сигарой, начал Фергер, – примерно в половине третьего. Наталья, гувернантка, поехала вместе с Машенькой в Петродворец. Я там арендую корт, три раза в неделю на час, и Наташа учит ее играть. Она настоящий мастер, три года назад даже выступала на чемпионате Ленинграда. За рулем машины был Виталий, шофер и телохранитель. После занятий они поехали обратно, но на Петергофском шоссе их остановили трое мужчин в милицейской форме. Виталия попросили выйти из машины и пересест в их «уазик», якобы для проверки на алкоголь. Потом, уже внутри машины, его ударили по голове чем-то тяжелым. Когда он очнулся, то обнаружил, что лежит в канаве, недалеко от станции «Броневая», со связанными руками и заткнутым кляпом ртом. Кое-как смог развязаться, добрался до телефона и позвонил мне. Было уже около пяти вечера, и я только что переговорил с похитителями... Я приказал ему ехать обратно домой и держать рот на замке.

– Машину, в которой находились ваша дочь и гувернантка, не нашли? Что это за машина?

– Нет, – покачал головой банкир. – Это был «Понтиак», белого цвета.

– Где сейчас ваш телохранитель?

– У него сотрясение мозга, так что какое-то время ему придется полежать. Так сказал доктор. Он в моем доме, в одной из комнат для гостей.

– Врач в курсе, каким образом парень получил травму?

– Он ничего не знает, – с уверенностью заявил Фергер.

– Кто передал вам кассету с записью?

– Позвонили по телефону и сказали, что я могу найти кое-что для себя интересное в свертке возле ворот дома, – вздохнул банкир, не обратив внимания на пепел, упавший с сигары на плащ. Вид у него был совершенно невменяемый, глаза растерянные, губы дрожат, по лицу пошли красные пятна.

– Слежки за вами, судя по всему, нет, – в очередной раз бросив взгляд на зеркало заднего вида, сообщил Северов. – Сейчас остановимся и посмотрим запись. Не возражаете?

Миновав пустынный перекресток, Сергей остановил «Мерседес» у тротуара, выключил двигатель и вопросительно посмотрел на Фергера. Тот открыл ящик на передней панели автомобиля, что-то нажал, а потом кивком головы дал понять, что нужно пересест на заднее сиденье. И оба вышли из машины и пересели назад.

Между передними сиденьями, на откидной пластиковой подставке, стояла компактная автомобильная видеодвойка «Сони». Банкир достал из внутреннего кармана пиджака кассету,

вставил в кассетоприемник, и после непродолжительной мерцающей темноты на крохотном экране появилось изображение.

Рыжеволосая девочка, лет двенадцати, бледная и испуганная, с красными заплаканными глазами, сидела на диване рядом с человеком, чье лицо закрывала черная спецназовская маска с прорезями для глаз и рта. К горлу девочки был приставлен огромный десантный нож. По движению лицевых мышц под маской и изгибу губ можно было понять, что бандит ухмыляется. Схватив девочку свободной рукой за кудрявые, забранные в хвостик волосы, он запрокинул ее голову назад и демонстративно провел острым лезвием в миллиметре от тоненькой белой шейки. Девчушка тихо заплакала. На большее у нее, испытавшей ужасный психологический шок от похищения, похоже, уж просто не было сил.

– Говори, детка, как тебе здесь плохо, и проси своего папочку, чтобы он побыстрее забрал тебя домой! – приказал мерзавец. – Ну же, давай!..

Холодная сталь прикоснулась к нежной детской шейке, и девочка, зажмурив глаза, пронзительно закричала.

– Папа, папочка, миленький, мне страшно! Эти дяди меня били и пугали ножом! Забери меня отсюда, пожалуйста! Я хочу домой!

– Хватит! – резким выкриком остановил девочку похититель, еще раз дернув ее за волосы. Захлебнувшись рыданиями, она замолчала и испуганными глазенками, как завороченная, уставилась в объектив видеокамеры. – Слушай меня внимательно, падла! – прошипел ублюдок в маске. – До завтрашнего вечера ты должен приготовить два миллиона долларов наличными и ждать наших указаний. Мы позвоним в десять. Отдашь деньги – получишь свою девку целой и невредимой. Если же попробуешь выкинуть какой-нибудь фортель, вроде звонка в ментовку или ФСБ, то получишь по почте холодец с косточками из своей девчонки! Ты все понял, свинья?! Попробуй только рыпнуться или пометить деньги – сначала прикончим ее, потом очень быстро доберемся и до тебя самого! А чтобы ты окончательно понял, что мы не шутим...

Ублюдок наклонился, подхватил что-то лежащее рядом, ниже зоны объектива, и с дьявольским надрывным смехом вытянул перед собой руку...

Сергей почувствовал, что внутри у него все похолодело. С трудом оторвав взгляд от экрана, он посмотрел на сидящего рядом банкира. Тот, закрыв ладонями лицо, беззвучно плакал.

Собрав волю в кулак, Северов заставил себя снова перевести взгляд на экран, где в руке выродка, схваченная за окровавленные светлые волосы, покачивалась отрезанная голова молодой женщины, с навсегда застывшим на ее мертвом лице выражением крайнего ужаса в широко открытых стеклянных глазах.

– Надеюсь, теперь у тебя нет вопросов, тварь! – прошипел ублюдок и отшвырнул в сторону голову гувернантки. С громким стуком она ударилась о что-то невидимое и глухо покатилась по полу. – Скажу только, что, перед тем как умереть, эта сучка поставила свой личный рекорд по сексуальной выносливости. Мы отымали ее все по несколько раз, а потом забили в то самое место бутылку от пепси-колы! Ха-ха! Вошла почти вся, представляешь?! То же самое, папаша, будет и с твоей доченькой, если завтра вечером в приготовленном для нас чемодане не будут лежать два миллиона баксов... Надеюсь, падла, ты понял всю серьезность положения, верно?!. Иначе... – И острый нож снова прижался к горлу девочки.

Запись оборвалась. Банкир глубоко вздохнул, вытер мокрые глаза извлеченным из кармана батистовым носовым платком и умоляюще посмотрел на Сергея Северова:

– Боюсь, они в любом случае убьют Машеньку, заплачу я деньги или нет... Я знаю, похитители детей всегда так делают, чтобы не оставлять главного свидетеля... Или?..

Слушая Фергера, Сергей никак не мог отделаться от мысли, что упустил что-то важное. Что-то неуловимое, что было на этой пленке, но на чем он не остановил своего внимания, потрясенный жестокостью увиденного.

– Извините... но я бы хотел прокрутить запись снова, – сказал он, и впервые в жизни не узнал своего охрипшего, ощутимо севшего голоса.

– Да... конечно... – закивал, словно очнувшийся от кошмарного сна, Фергер. Он отсутствующим взглядом посмотрел на зажатую в левой руке потухшую сигару. – Только у меня нет больше сил слушать этого подонка в четвертый раз. Я выйду на улицу. Когда закончите, постучите по стеклу...

Банкир покинул «Мерседес», и Сергей, перемотав пленку, снова включил воспроизведение. На этот раз, уже зная содержание записи, он целиком сосредоточился на мелочах и особенно – на звуках.

И в конце концов нашел именно то, что искал и на что лишь подсознательно обратил внимание при первом просмотре.

В окружающей киднеппера тишине он вдруг отчетливо услышал, слившийся почти воедино со звуком покотившейся по полу головы, сдавленный грудной кашель. Этот звук показался Северову неожиданно знакомым. После третьего прослушивания Сергей был готов поклясться, что уже неоднократно слышал его прежде! Снова и снова отматывая кассету и прослушивая эти два судорожных, свистящих звука, сильно похожих на лай простуженной собаки, он до предела напрягал свою память, ни за что не желающую отыскать нужную ячейку, где раз и навсегда отпечатался образ обладателя этого ни на что не похожего кашля. Где он мог слышать его прежде?! И почему так хорошо запомнил?..

Закурив сигарету, Северов выключил телевизор, откинулся на кожаную спинку сиденья и закрыл глаза... Он запомнил кашель, потому что уже неоднократно встречался с этим человеком... Неоднократно... Когда он впервые услышал эти звуки, то сразу же подумал про простуженную собаку... И почему-то решил, что для любой самой облезлой бродячей псины было бы смертельным оскорблением сравнение с этим скотом... С этой сволочью, которая... который... Стоп!!!

Догадка, как внезапное озарение, вдруг пулей вынырнула из глубины сознания, разметав все стоящие на пути преграды и обернувшись четкой цветной картинкой, неподвижно застывшей перед глазами. Северов отчетливо увидел лицо, надменное, презрительное, смеряющее его, командира СОБРа, надменным взглядом хозяина жизни, на исключительность и свободу которого вдруг замахнулся какой-то живущий на нищенскую государственную подачку смерд в черной спецназовской форме... Сергей провел рукой по вспотевшему от напряжения лбу, стараясь унять гулко застучавшее в груди сердце, еще и еще раз задавая себе главный вопрос: «А не ошибся ли?» – и каждый раз все увереннее и безапелляционнее отвечал себе: «Нет!»

Ошибки быть не могло – этот ни на что другое, кроме простуженного собачьего лая, не похожий кашель мог вылететь из груди только одного гада, назвать которого человеком, пусть даже мысленно, у бывшего командира милицейского спецотряда просто не поворачивался язык. И на то были веские причины...

– Стацевич... Тварь! – прошептал Сергей, ощущая, как стучит в висках кровь, а руки сами собой сжимаются в кулаки. – Значит, и здесь ты, падаль!

Заставив себя успокоиться хотя бы внешне, он подался вправо и потянул за хромированную дверную ручку. Дверь «Мерседеса» плавно приоткрылась, и банкир, мокрый от идущего на улице проливного дождя, вернулся в салон. Он бросил мимолетный взгляд на потухший экран автомобильной видеосистемы и тут же вопросительно посмотрел на нервно затягивающегося сигаретой Сергея.

– Вы... что-нибудь?.. – вкрадчиво поинтересовался Фергер, с трудом подбирая в уме подходящие слова. – Я имею в виду, вы... знаете, этого мерзавца с ножом?!

– Нет, – покачал головой Сергей. – Но мне кажется, я смогу узнать, в чьих руках и где сейчас находится ваша дочь Маша.

– Что вы... сказали?! – Банкир вздрогнул, как от удара током, и схватил Северова за рукав куртки. – Вы... действительно можете ее найти?!

– Я попытаюсь сделать это, – сухо сообщил Сергей, сделав нажим на слове «попытаюсь». – Все зависит от того, сумею ли я сегодня днем разыскать одного мерзавца и поговорить с ним по душам. Возможно, он сможет вывести меня на след похитителей. Если я его найду, у нас появится шанс освободить девочку... В любом случае, Юрий Германович, вам стоит подготовить к вечеру требуемую сумму, положить деньги в кейс и ждать звонка с условиями передачи выкупа.

– А вы? – спросил банкир.

– А я попробую сделать все, что возможно, и буду держать вас в курсе. Если до вечера от меня не поступит никаких известий, то вы должны связаться вот по этому номеру с капитаном Безукладниковым и рассказать ему обо всем случившемся. Он знает, что нужно делать, и ему вы можете доверять так же, как мне. И вы оставьте мне номер, по которому я могу вам позвонить в любое время суток...

– Я готов сделать все, что необходимо, готов отдать им эти проклятые два миллиона, лишь бы Машенька осталась жива! – прошептал Фергер, протягивая Сергею визитную карточку. – Тот, что внизу, мобильный... – пояснил банкир. – Как вы думаете, они ее не убьют, если я заплачу выкуп?.. – снова спросил банкир и в который уже раз за время их встречи с надеждой посмотрел в глаза Северова.

Но неожиданно увидел в них лишь холодную, почти безразличную, как показалось несчастному отцу, пустоту. Банкир, далекий от милицейских и армейских дел человек, не знал, да и не мог знать, что взгляд профессионального бойца всегда становится таким, когда он готовится к работе и, по сути, к возможной встрече со смертью... В этом взгляде нет ни страха, ни безразличия. В нем лишь спокойствие, решимость и вера в свои силы.

– К сожалению, гарантии, что похитители освободят девочку живой, даже если получат деньги, я дать не могу, – покачал головой Сергей. – Слишком большой риск. Не хочу раньше времени готовить вас к самому худшему, но мировая статистика подобных преступлений жестока – в более чем девяноста процентах случаев киднепперы убивают свою жертву еще до получения выкупа. Так что единственный способ спасти девочку – это как можно скорее найти и обезвредить этих ублюдков.

– Но ведь вы найдете их, правда?!.

– По крайней мере я надеюсь, что найду, – серьезно ответил Северов. – Садимся вперед. Я поеду обратно до моста и оставлю вас. Езжайте домой и, пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы весть о похищении раньше времени не стала известна посторонним, чтобы деньги были к вечеру собраны, чтобы мобильный телефон был всегда при вас. Больше пока ничего не требуется. По крайней мере до вечера...

– Хорошо... Я буду ждать вашего звонка. И... одно маленькое пожелание, Сергей... – Растерянное лицо Фергера стало суровым. – Если вам все-таки удастся найти их, то пусть эти мрази крепко пожалеют, что появились на свет...

Через десять минут «Мерседес» председателя правления «Северного торгового банка» подъехал к пересечению Лиговского проспекта с Обводным каналом, и Северов уступил место за рулем хозяину.

Банкир уехал, а Сергей вернулся к своей машине, оставленной в мрачном дворе-колодце, с лежащими, как по заказу, в багажнике спецсредствами, патронами и автоматом «узи»...

Глава 11

Итак, одним из соучастников похищения девочки и зверского убийства гувернантки был не кто иной, как старый знакомый – сволочь Клим Стацевич, депутат областной думы. Это был перст судьбы. Ведь именно этому мерзавцу, еще до встречи с банкиром, Сергей вынес свой первый смертный приговор, знаменующий начало новой жизни бывшего командира СОБРа... Что ж, тем хуже для Стацевича... В течение нескольких часов эту мразь нужно найти и любыми способами заставить расколоться. Северов прекрасно понимал, насколько высока сейчас для него цена конечного результата. И дело не только в деньгах, хотя материальная благодарность банкира не была бы лишней. Нет, здесь было нечто иное...

Сегодня он начнет мстить! За Татьяну и Катерину, за погибших во время операций его отряда ребят, за всех тех, кто сам не в состоянии ответить ударом на удар! И очень скоро он обязательно найдет того нелюдя... И собственными руками сотрет его в порошок...

Как сказал еще кто-то из великих, все гениальное просто. Когда требуется совершить чудо, его нужно совершать, вот и вся премудрость. Отпущенные часы с каждой новой секундой таяли, и времени на реализацию сложных хитроумных планов у Сергея уже не оставалось. Значит, нужно действовать в лоб, идти напролом, отбросив осторожность, смирившись с неизбежными поправками в столь деликатной работе.

Остановившись у ближайшего телефона-автомата, Северов позвонил домой знакомому оперу, тому самому, который участвовал в деле с зеленогорским публичным домом. К счастью, Тимур оказался на месте, хотя разве может быть иначе, когда на часах раннее утро и ты, примерный семьянин, живешь вместе с женой и двумя детьми.

– Китаец, привет. Это Северов, – поздоровался Сергей. – Ты можешь говорить?

– Да... здорово, – зевнул разбуженный лейтенант. – Что случилось?

– Мне нужна твоя помощь. Выручай. Нужен номер мобильного телефона Клим Стацевича. Без комментариев, – уточнил Северов. – Поможешь?

– О чем речь! – Судя по голосу, оперативник говорил с закрытыми глазами. – Он у него легкий, я в деле один раз прочитал, так сразу запомнил. – Лейтенант вяло продиктовал семизначный номер, состоящий из чередующихся между собой девяток и единиц.

– Я твой должник, – поблагодарил Сергей. – И забудь, что я тебе звонил. Ясно?

– Уже забыл. Пока.

Северов вернулся в машину и погнал ее в Сестрорецк. Именно там, в пяти минутах ходьбы от залива и пляжа, сейчас жил господин депутат. В отличие от печально известного старинного финского особняка в Зеленогорске этот был построен недавно. Кирпичный одноэтажный домик, обнесенный декоративным забором, со спутниковой тарелкой на крыше, гаражом и тщательно замаскированной системой видеонаблюдения. В доме постоянно присутствовал охранник.

Не доезжая до Сестрорецка, Сергей остановился на обочине шоссе и, набрав в кювете мокрой грязи, замазал номерные знаки. Потом достал из бардачка солнезащитные очки и надел их. Выехав в город, он остановил машину возле телефонной будки и позвонил Стацевичу. После долгих гудков Сергей услышал недовольный голос «народного депутата». Похоже, его тоже пришлось поднять с постели.

– Какого черта?! Кто это?! – рявкнул в трубку Стацевич.

– Клим Митрофанович? – чуть изменив голос, спросил Северов.

Едва Сергей услышал характерное покашливание собеседника, как ему показалось, что кто-то невидимый провел ледяными пальцами по его позвоночнику. У него раз и навсегда отпали всякие сомнения.

– Да! Кто говорит?! – сопел недовольный депутат.

– Слушайте меня внимательно, Клим Митрофанович, и не перебивайте. Я сотрудник следственного отдела Главного управления петербургской милиции. Фамилию называть не буду, вы сейчас поймете почему... Вы меня слушаете?

– Ну, – уже чуть бодрее хрюкнул в микрофон всполошившийся Стацевич.

– Хорошо. Я звоню вам вот по какому поводу. – Северов понизил голос. – В мои руки попали весьма интересные документы, касающиеся лично вас, Клим Митрофанович, и скажу вам, что информация в них содержится очень серьезная. Я бы сказал, тянет лет на пять-семь лишения свободы как минимум. – Сергей специально сделал паузу, дав депутату несколько секунд на осмысление услышанного. – Для человека, занимающего такое видное положение, как вы, будет весьма нежелательно, если хотя бы часть этой информации просочится в прессу. Начнется такой скандал! Тем более если его подверстать к делу о той несчастной девчонке, наговорившей про вашу зеленогорскую дачу черт знает каких выдумок... Документы эти существуют лишь в одном экземпляре и при желании могут элементарно затеряться где-то в кабинетах Большого дома. Исчезнуть, раствориться... И никаких проблем. Вот я и подумал, Клим Митрофанович, может, вам было бы интересно взглянуть на некоторые из них? Если они вас заинтересуют, в чем я совершенно не сомневаюсь, то мы, как деловые люди, наверняка сможем договориться. Что вы скажете, если мы встретимся, например, через тридцать минут, неподалеку от вашего дома?

– Ну... – прогнусавил обескураженный Стацевич, и в телефоне надолго воцарилась тишина. – Встретиться, оно, конечно, можно... Только к чему такая спешка?

– Я нахожусь в щекотливом положении, Клим Митрофанович. И сильно рискую, разговаривая сейчас с вами и предупреждая об опасности. Я бы никогда не решился на такое, если бы не крайние обстоятельства – срочно нужны деньги. До полудня мне нужно либо вернуть документы назад, либо... Времени, как вы понимаете, не так много. Так что через тридцать минут я в течение четверти часа буду ждать вас прямо на сосновой аллее, ведущей к заливу. Неподалеку от вашего дома. Она здесь одна, не знаю, как называется... Выходите и идите в сторону пляжа. Я сам подойду к вам. По истечении пятнадцати минут я уеду и буду считать, что мы с вами не договорились.

– К чему такая конспирация, черт побери?! – не удержался Стацевич. – Вам здесь нечего бояться, можете зайти прямо ко мне в дом!

– И все-таки я предпочел бы встретиться с вами в более свободной нейтральной обстановке, наедине, – настаивал Северов. – У меня есть причины для опасений, поверьте. Если станет известно, что я пошел на должностное преступление, мне грозит серьезное наказание...

– Хорошо, приду!

В конце концов, рассуждал депутат, я ничего не потеряю, посмотрев на неизвестно откуда взявшиеся бумаги, способные, по словам этого мента, с гарантией определить меня в «торбу». Если там туфта, то пусть катится ко всем чертям, а если действительно «забой»?!. Мало ли чего смогли раскопать эти псы, всякое в жизни бывало, особенно за последние два-три года...

– Я был уверен, что вы согласитесь, – со вздохом облегчения произнес Сергей. – Итак, до встречи.

Повесив трубку, Северов криво усмехнулся: ну все, попался, гнида, теперь я заставлю тебя спеть соловьем и умыться кровавыми соплями, подонок... И за бордель с детьми, и за дочь Фергера, и за то, что вообще родился на свет!

Он вернулся к машине, достал из спортивной сумки в багажнике баллончик с нервно-паралитическим газом и электрошокер, засунул их в боковые карманы куртки и поехал на место встречи. Поставив машину капотом к месту, откуда должен был появиться Стацевич, Сергей закурил и, поглядывая на часы, принялся ждать.

«Народный избранник» выплыл из-за поворота ровно через тридцать минут. На нем был строгий темно-синий плащ, в руке он держал зонтик. Ни дать ни взять – законопослушный чиновник, денно и нощно радеющий о благополучии своих избирателей! Краем глаза Северов сразу отметил, что за прошедшее со дня их последней встречи время, когда Стацевич был отпущен прокурором города под подписку о невыезде, депутат заметно раздобрел и сейчас его грузная фигура даже отдаленно не напоминала поджарую, спортивную фигуру Сергея. Что ж, придется искать на роль обгоревшей «куклы» кого-то другого... Ладно, что-нибудь придумаем. Сейчас главное – похищенная девочка. Этот ублюдок должен сказать все!

Едва Стацевич появился на аллее, Сергей дважды поморгал ему фарами. Депутат кивнул в знак того, что сигнал замечен, и, ускорив шаг, подошел к машине. Северов приоткрыл правую переднюю дверь и подождал, когда Клим Митрофанович опустит на сиденье «Жигулей» свое оплывшее грузное тело.

– Ну?! – захлопнув за собой дверь и смерив Сергея подозрительным взглядом, буркнул депутат.

Прищурившись, он внимательно изучал лицо сидящего рядом мужчины, и пришел к выводу, что, скорее всего, раньше они никогда не встречались, хотя глядящие на него в упор колючие карие глаза... Они показались Климу Митрофановичу знакомыми. Было в этом взгляде что-то подавляющее, презрительное, пронизывающее насквозь, как радиоактивные лучи в рентгеновском аппарате. От такого взгляда сразу становилось как-то неудобно, а в голову лезли всякие нехорошие мысли.

– Давайте сюда ваши документы! – без лишних объяснений и предисловий резко потребовал Стацевич, растопырив ладонь. – Надеюсь, в них нет ничего такого, что бы могло опорочить мое доброе имя! Кхе...

– Я уверен, Клим Митрофанович, что сейчас вам предстоит пережить не самые приятные минуты в вашей жизни. Бумаги в «бардачке», в коричневой папке. Достаньте их сами, – спокойно ответил Северов, кивнув в сторону ящичка.

Стацевич засопел, открыл бардачок, вытащил оттуда что-то отдаленно напоминающее большой блокнот для записей и, покосившись на незнакомца, почему-то все сильнее кажущегося знакомым, раскрыл блокнот на первой странице.

Перед ним был совершенно чистый и гладкий белый лист.

В груди господина депутата что-то предательски екнуло, в горле застрял комок, мешающий дышать. Он с трудом сглотнул, что-то лихорадочно соображая и ругая себя последними словами за излишнюю доверчивость, потом испуганно покосился на сидящего рядом человека и выдал:

– Я не пони...

В следующую секунду Клим Стацевич вздрогнул всем телом от сковавшего мышцы и парализовавшего разум мощного электрического разряда и, закатив глаза и открыв рот, безвольно откинулся набок, стукнувшись головой о дверное стекло и выронив зонтик.

Северов убрал электрошокер в карман куртки, завел двигатель и, выжимая до отказа педаль газа, погнал автомобиль по тенистой сосновой аллее обратно к Приморскому шоссе. Теперь депутат был полностью в его власти, и единственное, что могло помешать планам и спутать все карты, – это подкрепленный бойцами ОМОНа наряд ГАИ, замеченный Северовым на выезде из Сестрорецка...

Глава 12

Стацевич пришел в себя стремительно, словно вынырнул из черного бездонного колодца, и испуганно огляделся по сторонам. То, что он увидел, лишь подтвердило самые страшные опасения депутата.

За время беспамятства он лишился плаща и пиджака, и теперь, в мокрой, перепачканной в грязи белой рубашке лежал лицом вниз у обочины какой-то узкой грунтовой дороги, связанный по рукам и ногам крепким капроновым шнуром. Как оказалось, стянутые веревками запястья Клима Митрофановича были соединены крепким буксировочным тросом с фарком стоящих впереди серых «Жигулей». Вокруг были только лес и тишина. Рядом с машиной стоял и курил, не спуская с него глаз, тот самый человек, который так вероломно поднял его с постели, где все еще оставалась красавица-фотомодель Анжела, выманил из дома, «выключил» при помощи электрошока и похитил. Окончательно осознав всю глубину постигшей его беды, Клим Митрофанович тихо заскулил и уперся умоляющим взглядом в стоящего рядом похитителя. В том, что тот не имеет никакого отношения к органам, Стацевич уже не сомневался ни на йоту. Менты никогда не действуют поодиночке и не пытаются подозреваемых, привязав их, как чурку, к машине, и протаскивая на животе по шершавой, словно наждачная бумага, грунтовке. А ведь именно это сейчас предстояло испытать Климу Митрофановичу, если только... Если только он не сделает то, что потребует от него этот страшный человек с каменным лицом.

– Что... что вам от меня нужно?! – проскулил психологически уже сломленный депутат. – Я... я не знаю, в чем я виноват!..

– Неужели? – спокойно произнес незнакомец, щелчком отшвырнув сигарету в сторону Стацевича. – А ты подумай, падаль...

С этими словами Северов распахнул водительскую дверь «Жигулей», сел за руль и запустил двигатель. Клим Митрофанович, не веря своим глазам, завыл и стал изо всех сил дергать руками, пытаясь оторвать соединяющий его с машиной пружинящий синтетический трос, рассчитанный на нагрузку в несколько тонн. Извиваясь, словно скользкая гадюка, попавшая под рогатину змеелова, Стацевич вопил что есть мочи и божился, что расскажет все, но на похитителя эти вопли действовали не сильнее, чем укус муравья.

Включив первую передачу и до отказа выжав педаль газа, Сергей рывком тронул машину с места. Крик, вырвавшийся из перекошенного от боли рта депутата, перешел в утробный хрип...

Машина, набрав скорость, пронеслась по круто уходящей вправо лесной дороге метров триста и затормозила перед настежь открытыми, ржавыми и покореженными металлическими воротами. Въехав на территорию заброшенного танкового полигона, миновав два корпуса с выбитыми стеклами, «шестерка» остановилась на выложенной потрескавшимися бетонными плитами площадке. Не выключая мотора, Северов снял ставшие уже ненужными темные очки, вышел из машины и подошел к Стацевичу.

Вид его был ужасен. Рубашка изодрана в клочья. Сквозь стертую до самого мяса кожу сочилась кровь, левая щека напоминала пропущенный через мясорубку фарш.

Северов открыл багажник, расстегнул лежащую там спортивную сумку и достал оттуда автомат «узи». Вплотную подошел к распластавшемуся на земле Стацевичу. Смертельный провал холодного вороненого ствола автомата теперь смотрел Стацевичу прямо в лицо.

– Где девочка? – ледяным голосом спросил Сергей, глядя в выпученные, как у рыбы, неморгающие глаза мерзавца.

– Она... она в Сосновой Поляне... – сразу все поняв, прохрипел, с трудом выплевывая кровавую пену, Стацевич. Надрывно закашлявшись, он с мольбой взглянул на Северова и неподвижно застывший ствол «узи». – Я... не виноват... это... все... Кореец...

– Кореец?

– Да, это... была его идея... Я был против... похищения, но он... Ему срочно нужны... деньги. Сходняк в Москве объявил ему... смерть... за убийство... Самвэла. Он... хочет уйти в Норвегию... Послезавтра... самолет... Его ребята постоянно держали меня в... страхе. Я вынужден работать... на... них... Уже... два года... Кореец забрал у меня почти все... деньги... что были!

– Девочка жива? – жестко спросил Северов, чуть опустив ствол автомата и сняв палец с курка.

– Да... жива... – кивнул, дрожа всем телом, Стацевич. – Но... они убьют ее... если Фергер... сообщит в ментовку... или когда... получают деньги... – шлепая губами, как выброшенная на берег рыба, пролепетал депутат.

– Куда перевезли тех детей из твоего дома в Зеленогорске? – Губы Сергея сжались в узкую линию.

– Я... они... заставили меня... отдать им... дом!.. – И без того выпученные глаз Стацевича буквально вылезли из орбит. – Я не виноват!.. Это все Кореец!..

– Где дети? – глухо повторил Северов, испепеляя подонка взглядом.

– Не знаю... Клянусь... – с трудом выплевывал слова толстяк. – Он... прислал... людей... машины... и всех увез... Больше я ничего про... детей... не слышал... Только... кажется... Кореец однажды говорил... про... Репино...

– Тварь!.. – Северов, не удержавшись, изо всех сил пнул Стацевича ногой в живот. – Заставили, говоришь, да?! А кто тебя заставлял насиловать ту двенадцатилетнюю девочку, которой потом удалось сбежать?! Я уверен, что не ее одну ты лапал своими погаными руками и не над ней одной надругался в своем шикарном особняке!.. Что, не так?! Молчишь, гад?!.. – Северов с омерзением смотрел на корчащегося возле его ног депутата.

Еще совсем недавно эта мразь чувствовала себя полубогом, который благодаря деньгам и связям находился выше закона, а сейчас, грязный, окровавленный и жалкий в своей трусости этот кусок дерьма лил слезы, доказывая, что не виновен!

– Я... не хотел... Меня заставили! – продолжал выть Стацевич, пытаясь подползти к Сергею и поцеловать ему кроссовки. – Клянусь!.. Не убивайте меня!.. Умоляю... Я... много чего... знаю... И про Корейца... и про других...

– Сколько человек охраняют девочку на квартире? – безразлично отступив на шаг назад, бросил Сергей.

– Двое... или трое... я точно не знаю... – В глазах Стацевича промелькнула надежда. Надежда остаться в живых. – От него... все... отвернулись! Но с ним... всегда... рядом телохранитель... Череп... страшный человек!.. И еще... один или два... бритоголовых... Не убивайте... прошу вас!..

– Кореец с ними?

– Да... Ему... некуда деваться... его ищут... – сипло выдохнул Стацевич и снова зашелся в надрывном, выворачивающем наизнанку, кашле.

Сергей узнал все, что хотел. Пора было кончать с этим зажавшимся мерзавцем. Время бежало неумолимо, а дочь банкира все еще находилась в руках похитивших ее бандитов.

– Ты – грязный никчемный паразит, сосущий человеческую кровь! Для тебя самое главное – вкусно жрать, сладко спать и удовлетворять свою извращенную похоть с детьми! – Северов приподнял автомат и направил его ствол в лоб подонку. – Но больше ты не будешь поганить землю своим присутствием... Прощай, ублюдок! – Произнеся свой приговор, он нажал на курок.

Короткая автоматная очередь превратила череп Стацевича в подобие расколотого гнилого арбуза. Красновато-серые мозги вместе с костяной крошкой разлетелись по мокрому бетону.

Северов отвязал буксировочный трос от запястий мертвеца, снял его с автомобильного фаркопа и бросил в багажник вместе с автоматом. Схватив за ноги, оттащил обезображенный труп к заполненному черной водой подземному резервуару для танкового топлива, перевалил через торчащий из бетона металлический выступ и сбросил вниз. Тело «народного избранника» с глухим плеском скрылось под слоем черного мазута.

Достав сигарету, Сергей закурил, в последний раз бросил взгляд на резервуар и направился к машине.

Часы на панели приборов показывали половину одиннадцатого утра.

Глава 13

Кореец сделал последнюю глубокую затяжку, положил выкуренный до самой гильзы «косяк» на край переполненной окурками пепельницы и, прикрыв глаза, откинулся на спинку глубокого мягкого кресла. На его высохшем от анаши коричневом морщинистом лице заиграла глумливая улыбка: «дурь», видимо, возымела свое действие.

– А-а, су-у-ука!!! – донесся отчаянный вопль из соседней комнаты, где Череп, едва ли не единственный верный пес, не отвернувшись от своего хозяина даже после вынесенного ему воровским сходняком смертного приговора, должен был кормить похищенную ими вчера девчонку, дочку жирного денежного мешка по фамилии Фергер.

Сейчас малышка была для них на вес золота и обращаться с ней надлежало аккуратно. Но, как говорится, ни одно доброе дело не остается безнаказанным... Девчонка попалась с характером! Пока ей легонько не врезали по башке, не связали по рукам и ногам и не залепили рот скотчем, никак не хотела вести себя спокойно, все брыкалась да кричала, что ее всесильный папочка всех их найдет, поймает и посадит в тюрьму... Правда, после того, как на ее глазах Череп сначала задушил, а потом острым спецназовским ножом отрезал голову длинноногой сучке-гувернантке, девчонка притихла. Но ненадолго... Что за избалованная засранка у этого отъевшегося барыги?!

Как ни трудно было Корейцу вырваться из сладкой наркотической неги, усилием воли, закаленной за десятки лет воровской жизни, он все-таки заставил себя открыть глаза. Несколько раз глубоко вздохнул, поднялся из стоявшего возле окна бархатного кресла и медленно, пошатываясь, направился в коридор. Из кухни доносилась тихая ругань и бульканье разливаемой по стаканам водки. Распахнув застекленную дверь, Кореец блеклыми глазами оглядел двух сидящих за столом в расхристанной милицейской форме молодых отмороzkов. Судя по тупым бычьим ромам и тем их делам, о которых Кореец знал не понаслышке, этим бугаям было вообще все равно, чем заниматься и кого убивать – лишь бы хорошо платили.

– Что, в уши долбитеcь, мудаки?! – грозно рывкнул на них Кореец. – Ни хрена не слышите, падлы?!.

– Не-а... А че? – сразу перестав улыбаться и вскочив с табуретки, повертел дебильной башкой один из охранников. Второй тоже поднялся. Лежащие на столе среди закуски и бутылок пистолеты в мгновение ока оказались в огромных ручищах отмороzkов. Уж в чем в чем, а в обращении с оружием эти безмозглые типы преуспели. Владеют им не хуже киношных суперменов!

В очередной раз глянув на тупые морды охранников, Кореец окончательно уверился, что после получения выкупа от банкира с ребятами придется кончать. Уходя так шумно, как он, хвостов оставлять нельзя. А ведь он чуть было, в приступе внезапного человеколюбия, не начал помышлять о том, чтобы оставить этих недоносков в живых!.. Вопреки всем правилам... Еще вчера вечером, после того как один из них отнес банкиру кассету, Кореец захотел, перед тем как свалить за кордон, сделать что-нибудь хорошее! Например – подарить жизнь этому глупому «мясу»... И все лишь потому, что ребята относились к нему, заслуженному законнику, не просто с уважением, таким редким у молодых отмороzkов, не признающих никаких аргументов, кроме денег и силы, а можно даже сказать – с трепетом и подобострастием. Что и говорить – Кореец знал свою слабость к лести... Нравилось ему, когда его не только боятся, но и уважают.

– Че-че!!! – передразнивая мускулистых бакланов, с презрительным выражением на высохшем, как курага, лице, прорычал Кореец. – Хер через плечо!.. С такими помощничками моргнуть не успеешь, как группу захвата прозеваешь и на киче окажешься! Череп только что кричал, слышали?!

С досады сплюнув на пол, вор развернулся на каблуках, вышел из кухни и направился по коридору ко второй комнате. Следом за ним, с готовностью сразиться даже с самим Кинг-Конгом, рванули «мальчики». Краем глаза наблюдая за их подпитыми рожами, Кореец внутренне посмеивался: «Нет, прав был поэт – рожденный ползать летать не может!»

Толкнув дверь, вор шагнул в комнату. Следом, с пистолетами в руках, ввалились разгоряченные «быки».

Череп – мордастый двухметровый монстр с огромными ручищами – стоял посреди спальни и смотрел в настенное зеркало. Щека его было в кровь расцарапана, и Череп то и дело прикладывал к ней белое махровое полотенце.

На диване лежала связанная по рукам и ногам девочка, рот которой был забит непомерно большим кляпом, явно оторванным от куска того самого полотенца, которым промокал свою рану громила. Рядом с диваном, на полу, валялись тарелка, вилка и свежесваренные пельмени, которыми Череп великодушно решил покормить заложницу, не евшую почти сутки.

Заметив вошедших, Череп обернулся и, оскалившись, сообщил:

– Вот же, тварь, а?! Не успел я ей от скотча рот разлепить, а она в меня ка-ак вцепится!.. Слышь, Кореец, может, ее пора грохнуть, а?! Не могу больше, руки чешутся свернуть этой соплячке башку! – И сделав недвусмысленное движение огромными волосатыми лапищами, Череп наглядно продемонстрировал, что он легко и быстро провернул бы такое нехитрое мероприятие.

– Погоди пока, – тихо произнес вор. – Еще не время...

Он подошел к лежащей на кровати девочке, поглядел в ее заплаканные зеленые глаза и медленно и предостерегающе покачал головой.

На всякий случай проверив, надежно ли держится кляп, Кореец подошел к окну и с высоты двенадцатого этажа посмотрел на расположенный внизу пустырь. Шестнадцатизэтажная башня, в которой Череп еще неделю назад снял квартиру, стояла на отшибе, в самом конце Сосновой Поляны, недалеко от конечной остановки городских автобусов.

– Капитан пока не звонил, значит, банкир в ментовку не обращался. – Кореец пристально посмотрел на злого как черт Черепа, у которого буквально руки чесались придушить заложницу, и перевел взгляд на боевиков. – Это хороший признак. Значит, он заплатит без всяких фокусов. Вот когда получим деньги и поделим их на всех, по справедливости, тогда уже... – Вор ледяным взглядом окинул девочку. – Тогда можешь делать с ней все, что угодно, но до тех пор она должна быть живой и невредимой! Мало ли как карта ляжет.

Девочка, внимательно слушавшая разговор похитителей, отчаянно дернулась и замычала, пытаясь освободиться от сковывающих ее веревок. Но ни один из подонков даже не обратил на это внимания. Судьба заложницы была решена.

– А что, если Фергер не захочет платить, предварительно не убедившись, что его дочка жива, и не переговорив с ней по телефону – что тогда? – между тем спокойно продолжал вор. – Неужто все дело насмарку?..

– Куда он на хрен денется с подводной лодки! – фыркнул один из бугаев. – Выложит два «лимона», как доктор прописал! Я так думаю, что...

– А тебе никто пока не разрешал думать, понял?! – неожиданно вскипел Кореец, выталкивая стоявших возле распахнутой двери боевиков обратно в коридор. – Ты должен делать только то, что скажу тебе я!.. Иди, вон, рожу свою пьяную ополосни и сними на хер эту сраную мусорскую одежду, меня от нее уже тошнит! Через два часа вы оба должны быть как стеклышко!..

– Да че нам станется с одной-то бутылки, Кореец?! – пробубнил, оправдываясь, «спортсмен». – Скажешь тоже...

Оба амбала направились в прихожую, где стояла сумка с одеждой, и, положив пистолеты на телефонный столик, принялись переодеваться, скидывая на пол милицейскую форму. Если

бы не капитан, которого Кореец за старые грешки припер к стенке, не видать бы им ни формы, ни ментовского «уазика»! А так вся операция по захвату девчонки прошла без единой помарки. Да и порезвились потом с гувернанточкой на славу, весело было, интересно. Особенно та придумка Зарика с бутылкой из-под пепси-колы!..

Закрыв за братками дверь спальни, вор подошел ко все еще разглядывающему в зеркале свою попорченную физиономию Черепу и, понизив голос до полупшепота, сказал:

– Как только получим деньги – этих сразу уберешь...

– Нет проблем. – На садистском лице громилы чуть дернулись уголки тонких бескровных губ. – Я был уверен, что ты именно так и решишь. А что делать с Климом? Он ведь в курсе дел...

– Его тоже придется ликвидировать. В Россию мы теперь долго не вернемся, а за это время много что изменится... Значит, он нам больше не нужен. Но депутат уже не твоя забота, и даже не моя. – Вор усмехнулся. – Этим пускай Анжела занимается... Вечером она последний раз раздвинет перед ним ножки, даст выпить шампанского с таблеточкой и – конец!.. Тихая и спокойная смерть от остановки сердца, о которой мечтает большинство людей – вечером уснул, а утром не проснулся...

– Всю жизнь удивляюсь твоей смекалке, Кореец, – расплылся в улыбке Череп. – Ты всегда просчитываешь ситуацию на два хода вперед.

– Именно поэтому я до сих пор жив, а Самвэл и многие другие «законники» уже давно в земле догнивают! – с самодовольной усмешкой ответил вор, сверкнув холодными глазами. – Когда-нибудь, годика через три, когда уляжется вся эта объявленная на меня сходяняком охота, я доберусь до всех, кто выносил мне приговор, и лично каждому пушу в лоб порцию свинца. – Сухой и темнолицый, Кореец еще раз внимательно посмотрел на лежащую на кровати и беззвучно плачущую девочку, а потом язвительно спросил, толкнув громилу высохшим, как у мумии, кулачком в мясистое плечо: – И тебе не жалко ее, Череп? Может, пусть возвращается назад к своему папочке?

– Еще чего! Пусть кровью харкает, падла!.. Ментов, видишь ли, спонсирует, жидяра!.. Вот теперь посмотрим, как ему поможет его гребаная ментовка, которую эта слякоть греет!.. – От переполнявшей его ярости Череп даже заскрипел зубами.

– Жестокий ты человек, Станислав, шакал, – расхохотался вор. – Отец-то твой за всю жизнь ни одной живой души пальцем не тронул, царствие ему небесное. Только с металлическими сейфами дело имел. Да и мать – тоже вроде приличная баба была... В кого ты такой злой?

– В соседа, наверное, – гыкнул Череп, следуя за Корейцем в коридор. – Он в психушке двух санитаров задушил, а потом сам на шнурках повесился. Хороший был мужик, душевный!..

Глава 14

Северов бросил взгляд на наручные командирские часы. Без четверти три. Самый разгар дня, солнечно, на улице полно людей и машин, во дворе на лавочке сидят старушки, в песочнице копаются дошколята, рядом не спеша прогуливаются молодые мамы с колясками и сигаретками. В общем, далеко не лучшее время для освобождения взятого в заложники ребенка. Зато вполне подходящее, чтобы перед ночным вторжением поближе познакомиться с логовом киднепперов и разработать план операции, успешное проведение которой станет возможным лишь после захода солнца.

Получив от депутата информацию о месте нахождения Корейца и девочки, Северов сразу же отбросил мысль о привлечении к делу спецподразделения по борьбе с терроризмом. Нельзя полностью сбрасывать со счетов вероятность того, что у похитителей действительно есть свой человек в органах, который успеет предупредить их о засветке хотя бы на пять минут раньше, чем к месту прибудет профессиональная группа захвата. Этого будет вполне достаточно, чтобы доведенный до отчаяния Кореец, сообразив, что денег ему уже не видать, как своих ушей, прикончит девочку и благополучно скроется, вместе со всеми своими головорезами. Стало быть, действовать нужно только одному, причем именно в тот момент, когда эти грязные твари будут уверены, что Фергер согласился на все предъявленные требования и готов платить.

Оставив машину возле торгового центра, в квартале от названного Стацевичем адреса, Сергей надел кепку, черные очки и пешком прошел до дома, не сводя глаз с высокой шестнадцатэтажной башни из красного кирпича, возвышающейся над всем микрорайоном.

Дом имел только один подъезд, два лифта – пассажирский и грузовой, запасную лестницу и по шесть квартир на каждом этаже. В каждой квартире имелась лоджия, а если квартира была угловой, то и небольшой балкон. Балконы располагались с торцов здания, а лоджии, находящиеся с фасада и тыльной стороны здания, выходящей на лесной массив, соединяли два выхода – из гостиной и кухни. Северов знал, что в такого типа домах чердак как таковой отсутствовал, а над последним этажом размещалось лифтовое техническое помещение, откуда имелся прямой выход на крышу. Другим способом попасть на нее было невозможно.

Зайдя в подъезд, Сергей по номерам высчитал местонахождение квартиры и на лифте поднялся на двенадцатый этаж. Чтобы не насторожить возможного наблюдателя, который, заслышав шум лифта или шаги на лестнице, уже вполне мог припасть к дверному «глазку», он сделал вид, что звонит в соседнюю квартиру, а потом, якобы не дождавшись появления хозяев и состроив на лице недовольное выражение, быстро спустился вниз по лестнице.

Как и следовало ожидать, входная дверь оказалась металлической, с сейфовым замком «паук» и замком с обратным ригелем. Чтобы сломать такую преграду, даже специалисту-технику из антитеррористического отряда понадобилось бы не меньше двух минут времени и специальное приспособление под названием «Таран», от грохота которого проснулся бы даже покойник. Заставить же затаившегося Корейца открыть дверь добровольно было так же нереально, как уговорить его смириться со смертным приговором воровского сходняка и навсегда попрощаться с жизнью. Итак, остается единственный способ попасть в квартиру – это спуститься с крыши по веревке. Задача хоть и опасная, но теоретически выполнимая.

Спустившись вниз, Сергей выдержал минутную паузу, еще раз вызвал лифт, поднялся на шестнадцатый этаж и, миновав лестничный пролет, оказался перед обитой листовым железом серой дверью, за которой находилось техническое помещение лифта. Кто-то на нижних этажах нажал кнопку вызова, за дверью сухо шелкнули контакты электрической системы управления и громко загудел редуктор.

Чтобы попасть внутрь, нужно было справиться с обычным навесным замком, но Северов ожидал увидеть нечто похожее, а поэтому столь примитивное препятствие не застало его врас-

плох. Он извлек из кармана куртки связку отмычек, вставил в отверстие для ключа и, меняя одну на другую, стал воевать с нехитрым механизмом замка. Наконец отмычка провернулась, заставив капитулировать удерживающий дужку лепесток. Сергей снял тяжелый замок, положил в карман и распахнул дверь. В лицо сразу же ударил сладковатый запах солидола и пыли. Нащупав на стене выключатель, Северов включил свет и плотно прикрыл за собой дверь. С внутренней стороны оказалась задвижка, и он воспользовался ею. Точно такая же задвижка была и на второй двери, ведущей на крышу. Бегло осмотрев тесное помещение и не найдя в нем ничего заслуживающего внимания, Сергей открыл вторую дверь и вышел на крышу.

Здесь, наверно, завывал ветер, порывами становившийся достаточно сильным. Постояв минуту и внимательно оглядевшись по сторонам, майор направился к той части крыши, где за кирпичным метровым ограждением, четырьмя этажами ниже находились окна квартиры номер шестьдесят восемь. Как успел подсчитать в уме Северов, в квартире было две комнаты и три окна. Гостиную и кухню, расположенные с фасадной стороны дома, соединяла лоджия, во второй комнате был балкон. Вряд ли девочку станут держать на кухне, она наверняка в одной из комнат. Но одна ли?..

Перегнувшись через кирпичное ограждение с боковой стороны, Северов посмотрел вниз, остановив взгляд на пятом по счету балконе. Прикинув расстояние, отделяющее его от крыши, Сергей перешел к фасадной стороне. Вне всякого сомнения, спуститься на лоджию, мимо сплошного ряда окон четырех верхних этажей, более рискованно, чем с боковой стороны дома, вдоль глухой кирпичной стены. Но чтобы свести риск до минимума, нужно проникать в квартиру из комнаты, где находится заложник, и во время всей операции непрерывно держать его в поле зрения. Как это сделать, и, не рискуя быть замеченным, заглянуть в окна спальни и гостиной? Вокруг не было ни одного дома выше девяти этажей. Подумав, Северов пришел к выводу, что знает только один более-менее подходящий и доступный способ сделать это. Именно им и придется воспользоваться сегодня вечером, когда на улице стемнеет, а в окнах зажжется свет. Хотя и он не был лишен риска, но никаких запасных вариантов уже не оставалось.

Вторая задача, которую предстояло решить, – как закрепить веревку. Но здесь особых проблем не возникало – высокая телевизионная антенна и толстый стальной громоотвод располагались в нескольких метрах от места предполагаемого спуска и были вполне способны выдержать нагрузку гораздо большую, чем вес Сергея. Всего каких-то семьдесят килограммов.

Закончив осмотр, Сергей вернулся в лифтовую, закрыл за собой обе двери, приладив замок так, что со стороны он казался закрытым, и спустился вниз. Возвращаясь назад к машине, он обернулся и еще раз внимательно осмотрел окна двенадцатого этажа, откладывая в памяти самые мельчайшие детали. Сев в «Жигули», Северов подсчитал доставшиеся в «наследство» от депутата доллары – всего их оказалось тысяча триста – и вынул из бардачка его сотовый телефон. Батарейка на «Мотороле» почти села, и как только телефон отключится, воспользоваться им Северов больше не сможет. Недолго думая, Сергей набрал номер банкира.

– Да, слушаю! – почти мгновенно отозвался Фергер.

– Еще не звонили, надеюсь? – спросил Сергей, не тратя зря время и остаток ресурса телефонной батареи.

– А?.. Нет, пока нет! – Голос банкира дрожал от волнения. – Но я уже подготовил... деньги! Что делать дальше?!

– Ждать. Как только похитители выдвинут условия, перезвоните мне по номеру... – Северов продиктовал телефон Стацевича. – И сразу же забудьте о нем. Вам понятно? Если вдруг не дозвонитесь – ничего страшного, я позвоню сам. Если же от меня не поступит никаких известий до одиннадцати часов, немедленно свяжитесь с капитаном Безукладниковым, номер которого я вам уже оставлял.

– Да-да, я все понял! – поспешно ответил Фергер. – Скажите только... – Банкир тяжело вздохнул. – Уже удалось узнать, кто похитил Машеньку и где она находится?!

– Возможно. Но сейчас вам об этом лучше не думать, Юрий Германович. Как только позвонят и сообщат о времени и месте передачи денег – немедленно дайте мне знать. – Сергей хотел уже нажать на красную кнопку и отключить связь, но мобильник вдруг пикнул, подав предупредительный сигнал, и дисплей телефона высветил моргающую надпись «Разрядка». Разговор прервался. Итак, связь с банкиром стала только односторонней...

Весеннее солнце, висящее над крышами домов, медленно, но неумолимо клонилось к закату. Наступал вечер. Погода явно портилась. Небо заволакивали свинцовые тучи. И вскоре по крыше и ветровому стеклу серой «шестерки», несущейся по шоссе Ветеранов, забарабанили тяжелые капли холодного весеннего дождя.

Глава 15

На часах было ровно восемь, когда Северов, закрыв за собой на засов дверь лифтерской, поставил на пол тяжелую спортивную сумку и, скинув «гражданку» и оставшись в одном легком бронежилете, стал быстро переодеваться в черную хлопковую робу и высокие шнурованные ботинки с рифленным протектором. Закончив с переодеванием, он оставил вещи за электрическим распределительным щитом, натянул на лицо черную спецназовскую маску с отверстиями для глаз и рта, подхватил сумку и вышел на пустынную мокрую крышу, по которой барабанной дробью не переставая хлестал ливень.

Дождевые тучи, сплошным одеялом затянувшие все небо, почти не пропускали на землю слабеющий с каждой минутой дневной свет. Для предстоящей операции это было на руку, если бы не одно обстоятельство: дождь мог помешать видеосъемке. Капли, попавшие на объектив портативной камеры, могли до неузнаваемости смазать изображение. Но это была единственная возможность посмотреть, что же творится в окнах квартиры, и Сергей не стал медлить, справедливо полагая, что дождь, такой сильный на крыше, с подветренной стороны дома будет значительно слабее. Красный огонек светодиода был предусмотрительно заклеен изолентой, а сама камера – вертикально привязана к прозрачной синтетической леске легкого, но прочного телескопического спиннинга.

Подойдя к ограждению крыши, Северов внимательно огляделся, выдвинул три из пяти секций спиннинга и, включив запись, стал осторожно опускать видеокамеру вниз, задержав ее лишь в нескольких сантиметрах от верхнего края светящегося окна в гостиной на двенадцатом этаже. Потом сдвинул камеру левее, в самый угол окна, и опустил чуть ниже. Риск, что посторонний предмет, болтающийся за темным окном, в двух метрах от края лоджии, заметят, был гораздо меньше, чем если бы вместо миниатюрного прибора спустился человек. И все-таки вероятность обнаружения была, и Сергей позавидовал тем сотрудникам спецслужб, в распоряжении которых имелась по-настоящему компактная аппаратура звукового и видеонаблюдения... Что же, видимо, в ближайшем будущем ему придется подумать о необходимости приобретения шпионского реквизита...

Подержав секунд двадцать камеру над окном гостиной, он снова поднял ее чуть вверх и, пройдя два шага в сторону, переместил к окну кухни, в котором тоже горел свет. Выждав некоторое время, снял катушку спиннинга с тормоза и поднял камеру вверх. Вернувшись в сухую и светлую лифтерскую, он отмотал пленку назад и, прильнув глазом к мини-экрану, стал внимательно вглядываться в колеблющееся изображение.

Ему повезло. Несмотря на дождь и ветер, камера смогла выхватить главное: людей. На кухне никого не оказалось. Зато в просторной гостиной, удобно расположившись вокруг журнального столика на диване и двух креслах, сидели сразу четверо похитителей. На столике, рядом с сотовым телефоном, Северов заметил два пистолета. Оба – с глушителями.

Одним из присутствующих в гостиной, безусловно, был сам Кореец – сорокасемилетний вор в законе. Его морщинистое, худое лицо, со впалыми щеками и с серо-коричневой, как древний пергамент, кожей Северов видел на одной оперативной фотографии еще в самом начале работы в милицейском спецназе.

Рядом с вором, на диване, восседал, широко расставив ноги, здоровенный «бивень» лет тридцати пяти, смахивающий на кабана из-за вытянутой вперед челюсти. Его кулаки размером не уступали пудовым гилям, а лысая голова безо всякого намека на шею, как влитая, сидела на широких плечах. Хотя и прежде майор неоднократно встречал монстров, при виде которых одинокий ночной прохожий мог запросто сделаться зайкой, этот был, пожалуй, самым отвратительным. Вне всякого сомнения, это был Череп – личный телохранитель Корейца, о нем упоминал Стацевич. Не могло быть и речи о том, чтобы справиться с таким вурдалаком вручную,

только с помощью грубой физической силы. При разговоре с такими ребятами существует лишь один надежный аргумент – огнестрельное оружие. И желательно помощнее.

Оставшихся двоих, развалившихся в креслах молодых амбалов с квадратными подбородками и бритыми головами, Сергей сразу же определил как профессиональных боевиков. Возможно, именно они выдавали себя за гаишников во время похищения дочери Фергера.

Девочки, дочери банкира, в гостиной не было, и в этом был большой плюс. Теоретически сейчас она могла находиться либо в ванной, что маловероятно, либо во второй комнате, свет в которой был погашен. А если так, то его шансы на успех, которые сам Сергей мысленно оценивал как сорок на шестьдесят, теперь возрастали многократно.

Оставив камеру и спиннинг в лифтерской, Сергей вернулся на крышу, достал из сумки бухту чрезвычайно прочного капронового шнура, сделал затяжное кольцо и, дважды пропустив бухту сквозь него, надежно прикрепил шнур к толстому стальному громоотводу. Подойдя к торцевой стороне дома, он спустил шнур вниз, рядом с балконами. Конец его оказался примерно на уровне четвертого этажа.

Северов надел специальный альпинистский пояс с приспособлением для быстрого спуска и тонкие кожаные перчатки, потом вытащил из сумки и набросил на спину рюкзак, пристегнул к щиколотке правой ноги чехол с обоюдоострым ножом, а двенадцатизарядный компактный «браунинг» с глушителем спрятал в кобуру на груди. Закрепив веревку зажимом на поясе, несколько раз дернул, проверяя работу механизма. Сергей запрыгнул на ограждение крыши, натянул веревку и стал медленно спускаться с края крыши на стену.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Сергей ступил носком правого ботинка на край металлических перил балкона на двенадцатом этаже. Мышцы, в течение длительного времени не получавшие такую нагрузку, буквально горели, не говоря уже о травмированных ноге и запястье, с которого лишь накануне была снята бинтовая повязка. Но Северов старался не обращать на боль внимание: его мысли были там, за плотно закрытым окном и балконной дверью, в темной комнате квартиры, куда ему еще предстояло попасть.

Аккуратно отцепив канат от пояса и бесшумно спрыгнув на балкон, майор присел на корточки, выхватил из кобуры пистолет, подкрался к окну и осторожно заглянул в комнату.

Шторы были задвинуты, однако сквозь узкую щель между шторой и рамой можно было различить нечто светлое, выделяющееся на фоне темени, царящей в комнате. Сергей стал пристально, до боли в глазах, присматриваться к этому пятну и вскоре заметил, что оно вздрогнуло и передвинулось чуть в сторону. Вне всякого сомнения, это была связанная подонками девочка, похищенная дочь банкира, лежащая на диване. Их разделяло не более трех метров, но он хорошо знал, каким же трудным и смертельно опасным для них обоих было сейчас это ничтожное расстояние!..

Присев на корточки, майор снял со спины рюкзак и вытащил из него профессиональный стеклорез с резиновой присоской и острым алмазным резцом. Этот незаменимый для воров-домашников инструмент, в отличие от бытовых стеклорезов, делал свое дело практически бесшумно, в течение полуминуты вырезая в стекле идеально круглое отверстие, диаметром около двадцати сантиметров.

При помощи присоски прилепив инструмент к наружному стеклу окна, в отличие от балконной двери имевшему всего два шпингалета, Северов несколько раз повернул по часовой стрелке режущий «циркуль» и, слегка потянув на себя, вытащил круглый кусок стекла. Потом то же самое проделал и на втором, внутреннем стекле. Затем повторил операцию возле верхнего шпингалета.

Он не сомневался, что в тишине комнаты девочка давно слышала доносящиеся со стороны окна странные скребущие звуки. Ведь абсолютно бесшумно резать стекло невозможно. Впрочем, в этом не было ничего страшного. Вне всякого сомнения, похитители уже с самого начала позаботились о том, чтобы их заложница держала рот на замке, заткнув ей рот клепом

или залепив скотчем. Опасность состояла в другом – в любой момент в комнату мог зайти один из людей Корейца, чтобы проверить, как там их заложница...

На беду так оно и вышло. За плотными шторами вдруг ослепительно ярко вспыхнул электрический свет. Резко выдернув руку из отверстия возле верхнего шпингалета, Северов отпрянул от окна, пригнулся и снова достал из кобуры пистолет. Сердце стучало так громко, что Сергею казалось, его можно было услышать.

– Что, сучка, пялишься, а?! – донесся до Сергея скрипучий омерзительно-вкрадчивый голос. – Скоро твой папочка заплатит выкуп, и тогда мы тебя, так уж и быть, вернем назад... Впрочем, я не откажусь до того потискать тебя как следует... Тихо!.. Не дергайся! Все равно тебе здесь никто не поможет... У, мокрощелка!.. Сейчас я развяжу тебе ножки, но ты не вздумай дергаться, иначе... Ты помнишь, что я сделал с твоей гувернанточкой... Если будешь паинькой, дядя постарается не делать тебе слишком больно... Договорились?! Вот и хорошо...

Северов отчетливо услышал тихий металлический шелчок выпрыгивающего из ручки лезвия. Прильнув к стеклу, Сергей увидел широченную спину Черепа, склонившегося над лежащей на диване связанной девочкой. В его правой руке блестел сталью большой нож.

– ...Да не рыпайся ты, паскуда!.. Я ж тебя еще не лапал. Вот сейчас сниму с тебя твои спортивные брючки... – хрипел, предвкушая скорое удовольствие, ублюдок. – Сейчас, милая, потерпи еще секундочку... Вот, молодец!..

В том, что произойдет через несколько минут, если он не помешает этому, Северов не сомневался. Дочь банкира, почти ровесница его маленькой Катерины, будет изнасилована, причем наверняка не только личным телохранителем вора, но и другими отморозками. Вот твари! Как только земля носит таких выродков! Поганая скотина, тварь...

– А что это так дует, а, крошка?! – Череп неожиданно разогнулся, оставив в покое уже частично разрезанные веревки на ногах девочки, и подозрительно взглянул в сторону окна, наблюдая за колышущимися от проникавшего в комнату ветра шторами. – Какой придурок оставил окно открытым?!

Череп пересек комнату и, схватившись своей огромной ручищей за ткань шторы, резко отодвинул ее в сторону.

И тут же замер, словно изваяние. Широко открытыми, вылезающими от удивления из орбит глазами он уставился на смотрящий прямо на него смертоносный зрачок накрученного на пистолет глушителя, который держал в руке стоящий на балконе человек в черном. Из-под плотно прилегающей к лицу незнакомца спецназовской маски на потерявшего от неожиданности дар речи ублюдка пристально смотрели холодные карие глаза, в которых тот без труда прочитал свой смертный приговор.

Два тихих хлопка прозвучали с интервалом в полсекунды. Череп широко открыл рот, словно хотел что-то закричать, покачнулся, инстинктивно схватившись руками за продырявленную левую сторону груди, из которой бурой струйкой побежала по рубашке кровь, некоторое время постоял, не сводя недоуменного взгляда с лица человека в черном, и медленно рухнул сначала на колени, а затем – лицом вперед, со стуком ударившись лбом о подоконник...

Секундомер был пущен, и терять драгоценное время, вдруг стократно уплотнившееся, было уже нельзя.

Молниеносно вырвав из окна стеклорез с последним куском стекла, Сергей положил его на пол балкона, просунув руку, повернул шпингалет, сначала вниз, а потом наверх и, открыв раму, прыгнул в комнату.

– Тихо, Маша! Молчи! – выдохнул Северов, взглянув на онемевшую от страха девочку. – Залезай в угол и не высовывайся, ясно?! – Подняв валяющийся рядом с мертвым Черепом нож, он вспорол связывающие девочку веревки и, схватив ее за руку, толкнул в сторону стоявшего возле дивана зеркального столика. – Что бы ни произошло – не шевелись!.. – прошипел Сергей,

одной рукой держа на прицеле закрытую входную дверь комнаты, а второй торопливо шаря внутри раскрытого рюкзака.

Ему потребовалось не больше секунды, чтобы извлечь из рюкзака дымовую шашку, зажав зубами конец веревки, оторвать запал и, одним прыжком оказавшись у двери и слегка приоткрыв ее, швырнуть вспыхнувшую «сигару» в коридор. Захлопнув дверь и прижавшись к стене, он застыл, держа пистолет наготове.

С момента первого выстрела в Черепа до полетевшей в коридор дымовой шашки прошло не более минуты. Для такой операции это была почти норма, если вспомнить тренировки в ташкентском учебном лагере пятнадцатилетней давности. Несмотря на всю серьезность ситуации, на губах Северова промелькнула и тут же исчезла холодная улыбка... Он знал, что нужно делать, был спокоен и хладнокровен. Самое трудное уже позади, остальное – дело техники.

В квартире, как и следовало ожидать, началось что-то невообразимое. Едва Сергей прижался спиной к стене, как закрытая дверь комнаты была тут же прошита насквозь несколькими суматошными выстрелами пребывающих в полнейшей панике похитителей. Стрельба прекратилась так же быстро, как и началась, и до Сергея донеслось громкое утробное хрипение бандитов, вылетающее из их отравленных ядовитым дымом легких. Противник был сломлен.

Ядовитый дым тонкими струйками уже сочился в комнату через сквозные отверстия в простреленной фанерной двери.

– Надень! – Отпрянув от стены и по-прежнему держа вытянутую руку с пистолетом направленной на дверь, Северов выхватил из опустевшего рюкзака два легких противогаза, один бросил забившейся в угол насмерть перепуганной Маше, а второй четким движением натянул себе прямо на мокрую маску. Но, быстро сообразив, что пребывающая в шоке и зашедшая в судорожном кашле двенадцатилетняя девочка до этой минуты еще никогда в жизни не держала в руках подобного предмета и наверняка не знает, как им пользоваться, стремительно бросился к ней и, затянув регулировочные ремни до минимального размера, надел маску на ее бледное лицо. Теперь в порядке, отдышитесь... Ах, Маша, Маша, досталось же тебе! Ну, ничего, все, можно сказать, самое страшное позади...

Поднявшись во весь рост, Сергей подошел к двери, резко распахнул ее и через несколько коротких мгновений, за которые комната до отказа заполнилась густым едким дымом, понял, что сопротивления не будет. По-прежнему не опуская пистолет, он шагнул в коридор, вдвигаясь сквозь плотную завесу в лежащие на полу, возле кухни и прихожей, скрюченные и подрагивающие в конвульсиях тела бандитов, изо рта которых стекала на ковролин тягучая, пенящаяся слюна. Рядом валялись выпавшие из разжавшихся рук пистолеты и сгоревшая дотла дымовая шашка. Перешагнув через бритоголовых мерзавцев, он зашел в гостиную.

Кореец стоял на коленях возле наполовину распахнутого окна, держась обеими руками за горло и раскачиваясь, как заклинатель змей, вполборота смотрел на Северова полными слез бесцветными глазами, в которых не было ни страха, ни мольбы. Только всепоглощающая, бессильная злоба и осознание полного поражения. Последнего в этой жизни.

– Дай... мне... пистолет!.. – чуть слышно прохрипел вор, кивнув на направленный на него «браунинг». – Дай... мне... самому... мент!!!

Северов с брезгливой ненавистью какое-то время смотрел на поверженного противника и вдруг резко, изо всех сил, ударил стоящего на коленях Кореяца ногой в лицо. Вор беззвучно упал набок, закатив глаза и привалившись затылком к батарее. Из разбитого носа потекла кровь, расплываясь бурыми пятнами на белой рубашке бывшего законника. Подернутые красноватой сеткой лопнувших капилляров белки глаз неподвижно застыли в своем чудовищном, страшном выкате.

Сергей прошел в прихожую, достал из нагрудного кармана робы две пары наручников и, заломив за спину ватные руки боевиков, застегнул на их широких запястьях серебристые

«браслеты». Потом обошел квартиру и распахнул окна. Свежий вечерний воздух, ворвавшийся сразу с нескольких сторон, в течение нескольких минут очистил помещение от ядовитого газа.

Сорвав с лица противогаз и убрав пистолет в кобуру, Северов вернулся в комнату, где, сжавшись калачиком, в самом дальнем от двери углу, за диваном, сидела и смотрела на него испуганными глазенками худенькая рыжеволосая девочка в некогда белом спортивном костюме. Присев перед ней на корточки, Сергей осторожно снял с ее лица ставший ненужным противогаз, медленно провел рукой по волосам и, улыбнувшись, бодро спросил:

– Ну теперь все в порядке, правда?..

Ответом был молчаливый кивок.

– И ты не боишься меня? – Девочка вымученно улыбнулась и снова кивнула. – Вот и хорошо... Сейчас мы позвоним по телефону твоему папе и скажем, чтобы он приехал и забрал тебя домой...

Сергей поднялся и хотел уже направиться назад в гостиную, где на журнальном столике лежал телефон, но девочка вдруг приподнялась на коленях, взяла своего спасителя за руку и поглядела на него огромными глазами, в которых все еще читался испуг.

– А вы... Вы милиционер, да?

На миг смутившись от такого прямого вопроса, Северов отвел глаза, шумно вздохнул, пожал плечами и не очень уверенно пробормотал:

– Да нет... Я уже не... милиционер.

– А я знаю, кто вы! – вдруг выпалила Маша, еще крепче сжав одетую в кожаную перчатку руку. – Вы Беркут!

– Кто?! – нахмурился Сергей.

– Беркут! Из телесериала! Он тоже все время выручал людей из беды и убивал бандитов. А сейчас мой папа попросил вас помочь мне!.. Неужели не видели?!

Казалось, что от ответа на этот вопрос для пережившей страшное потрясение девочки зависит сейчас очень многое, и если Сергей ответит на него отрицательно, то страшно разочарует ее.

– Конечно смотрел! – не моргнув глазом, соврал Северов. – Но только я... как бы это сказать... не Беркут.

– А кто же?! – не унималась, тряся его руку, Маша.

– Я... я его двоюродный брат. Из России, – нашелся Северов. – И зовут меня... Ворон!

Спустя минуту он уже сообщал доведенному ожиданием до крайности Фергеру адрес, по которому он может приехать вместе со своими охранниками и забрать дочку, а заодно и всех четырех киднепперов, один из которых уже точно никогда не причинит никому вреда.

Глава 16

– Я очень благодарен тебе, Сергей. – Во взгляде банкира читалась крайняя степень признательности. – Интуиция не подвела меня, когда, находясь в полном отчаянии после просмотра видеокассеты, я в первую очередь подумал именно о тебе, о майоре Северове, бывшем командире СОБРа... И знаешь, почему?... – Фергер стряхнул пепел с сигары, нахмурился, отведя глаза в сторону, и глухо произнес:

– Извини, может, это покажется кощунством, не знаю, но я подумал, что человек, на глазах у которого зверски расправляются с его семьей, должен всю оставшуюся жизнь беспощадно мстить за них, или по крайней мере до тех пор, пока не найдет того самого убийцу, лишившего его дочери и жены... Я это так отчетливо представил себе, когда узнал о похищении моей доченьки Машеньки, что у меня просто не было никаких сомнений, что ты мне поможешь.

Банкир повернулся и снова посмотрел на сидящего рядом с ним на заднем сиденье машины Северова. Кроме них двоих, в «Мерседесе», стоявшем у набережной Невы, никого не было. Оба телохранителя Фергера топтались неподалеку от автомобиля, настороженно оглядываясь по сторонам.

– Всю жизнь, с самого детства, я был деловым человеком и научился хорошо разбираться в психологии людей... И я оказался прав, – после секундного молчания закончил Фергер.

– Да, вы оказались правы, Юрий Германович. – На неподвижном лице Сергея не дрогнул ни один мускул. – Я действительно испытал облегчение, помогая вам освободить дочку. Правы вы и в том, что рано или поздно, но я обязательно найду тех, кто убил самых близких для меня людей. И тех, кто отдал приказ это сделать. Надеюсь, это произойдет достаточно скоро... – Северов замолчал, почувствовав, как на его щеке начинает дергаться в тике нерв. – Как вы собираетесь распорядиться судьбой Корейца и его охранников? – чтобы хоть как-то сменить тему, спросил Сергей.

– Они получают то, что заслужили. Сполна и выше крыши, – с ненавистью прищурил глаза банкир. – Я прикончу их сам! Следов, надеюсь, не останется... Давай лучше поговорим о наших делах. Нам ведь есть что обсудить. – Банкир положил на колени кожаный кейс и, щелкнув шифровыми замками, приподнял крышку.

Внутри лежали, перетянутые упаковочной лентой, аккуратные пачки зеленых стодолларовых купюр.

– Здесь двести пятьдесят тысяч, – спокойно, сказал Фергер. – Ты честно заработал эти деньги и не вздумай от них отказываться. Но все-таки, перед тем как передать тебе этот кейс, я хотел бы попросить еще об одной маленькой услуге... – Пыхнув сигарой, банкир как будто задумался. – Так вот, я хочу, чтобы о похищении и удачном освобождении Маши узнала пресса. И самое главное – чтобы все, и враги, и друзья, знали о том, что своей жизнью моя дочь обязана не милиции, а специально приглашенному мной человеку, профессией которого является устранение всякого рода криминальной сволочи. Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, Сергей, но, пожалуйста, не спеши с выводами! Я вовсе не собираюсь тебя подставлять. Да и мне самому не слишком-то желательно светиться. Просто я хочу заставить бандитскую мразь, расплодившуюся у нас в стране и в Питере, как крысы, хоть немного, но бояться. Не продажных ментов и бессильного бумажного закона, а вполне реальной физической мести от конкретного мстителя! – сказал вспотевший от эмоций Фергер, зажав сигару зубами и ударив кулаком о ладонь другой руки. – Ну, и... естественно... я хочу, в некоторой мере, обезопасить себя от желающих в будущем поживиться за счет моего банковского бизнеса... Главное, чтобы все знали и не сомневались – такой человек у нас в банке есть и он уже растер в порошок четверых вооруженных отморожков во главе с известным вором в законе! Конечно, я представляю, какая потом, после публикации в газете, поднимется шумиха, как меня будут доставать и газетчики,

и тележурналисты, как тебя будут разыскивать менты и твои потенциальные «заказчики»! Но это все ерунда, по сравнению с главным результатом!..

– Как я понимаю – мое интервью с журналистом является вашим, Юрий Германович, условием... – Северов выдохнул и с трудом закончил: —...получения денег?

– Что ты! Ни в коем случае! – замахал руками банкир. – Ты уже заработал их, и эти двести пятьдесят тысяч по праву твои! Мое предложение – всего лишь просьба... – понизив голос, сказал Фергер и тут же добавил: – Но очень и очень настойчивая, в ответ на которую не хотелось бы услышать слово «нет». Со своей стороны обещаю полную конфиденциальность. В конце концов, во время интервью журналист может не видеть лица того, с кем говорит. Тем более он никогда не узнает его настоящего имени. Только, если так можно выразиться, профессиональный псевдоним. Придумать его не составляет никакого труда. Ну как, убедил?

– Нет, не убедили, – не задумываясь, сухо ответил Северов. – Но если уже вы так настойчиво просите, я поговорю с журналистом несколько минут.

– Я тебе очень, просто очень признателен! – Банкир закрыл «дипломат», защелкнул замки и подвинул его Северову. – Завтра днем сообщи мне, пожалуйста, номер телефона, по которому можно будет с тобой связаться, и я скажу, когда и где состоится встреча с журналистом. Знаешь, он отличный, надежный парень, я знаком с ним довольно давно. Зовут его Игорь, фамилия – Родников, работает криминальным репортером питерской «молодежки». Однажды, прошлым летом...

Северов молча слушал банкира, кивал, но думал уже совсем о другом. Странная прихоть богатого бизнесмена хоть и удивила, но не заставила усомниться в искренности его намерений. Здесь все чисто и, в конце концов, не слишком хлопотно.

Банкир возбужденно трещал о своем. А Сергей думал о Короеде, с которым должен был созвониться сегодня и узнать от него о результатах поисков. В прошлый раз ему показалось, что после упоминания об отморожке с заячьей губой лицо ворюги как-то неестественно вытянулось.

Дозвониться до Короеда Северову не удалось ни сегодня, ни завтра, ни всю первую половину третьего дня, когда должна была состояться его встреча с журналистом Игорем Родниковым из питерской молодежной газеты. Отзывался набившим оскомину «...отключен или находится вне зоны», и в голову Сергея лезли, вытесняя друг друга, скверные мысли.

Устав ждать, он решился нанести главарю шайки домушников личный визит. Адрес, по которому вот уже два с лишним года проживал гражданин Ковров, был ему известен. Небольшой, но добротный двухэтажный домик из желтого кирпича находился неподалеку от железнодорожной станции «Лигово», на окраине города. Соседями Короеда были сплошь цыгане, компактно обосновавшиеся в этих местах еще несколько десятилетий назад, но это, похоже, нисколько не смущало профессионального уголовника, вора со стажем. За высоким каменным забором, окружающим ухоженную территорию в полгектара, бригадир квартирных воров, по всей видимости, чувствовал себя вполне комфортно...

Подъехав к закрытым металлическим воротам, Сергей сразу же заметил наклеенные на их стыке и на расположенной рядом двери бумажные ленты с печатью прокуратуры. Дом был опечатан. Этот факт подтверждал подозрения и мрачные мысли Северова. Постояв немного возле забора, он вернулся в машину и оттуда позвонил в расположение СОБРа, капитану Безукладникову, назначенному после увольнения Сергея командиром его отряда. Часы показывали начало четвертого, и Северов надеялся застать его на месте. Ему повезло.

– Слушаю! – раздался знакомый голос капитана.

– Привет, Рэмбо, это Сергей Северов. Помоги мне по старой дружбе выяснить кое-что...

– Дружба старой не бывает, она или есть, или ее нет. Рад тебя слышать! – с доброй усмешкой в голосе ответил Безукладников. – Чего не объявляешься, Серый?! Парни спрашивают, интересуются. Может, заглянешь сегодня?

– Обязательно загляну, но как-нибудь в другой раз. А сейчас «пробей мне поляну» насчет Толи Короеда. Помнишь такого, надеюсь?

– Разумеется, – после некоторого молчания пробормотал капитан. – Только пробивать здесь нечего. – Безукладников снова замолчал, судя по доносящимся характерным звукам, закурил сигарету, потом шумно затянулся и выдал: – Замочили твоего Короеда три дня назад, вечером в собственном доме. Официальное заключение – самоубийство, но это все для лопухих. Просто кому-то в кабинетах было на руку спустить смерть этого «крота» на тормозах. Усекаешь, чем пахнет?

– Да уж... – задумчиво обронил Северов. – А что произошло на самом деле?

– Повесился, бедолага! – хмыкнул капитан и добавил: – На люстре. Но предварительно сам себе нанес множественные телесные повреждения. Если верить некоторым протоколам с подписью Меркулова, то у нас в городе и такое иногда случается... Вот такие дела, Серега. Может, скажешь, зачем тебе понадобился Короед?

– У знакомого квартиру хорошо почистили. Картины взяли, аппаратуру, барахло разное... Думал, его ребята поработали. Выходит, ошибался, – на ходу придумал Северов. – Ладно, спасибо за информацию, дружище. Заскочу как-нибудь на днях.

– Ты где сейчас живешь-то? – неожиданно спросил Безукладников. – Звонил тут тебе пару раз домой, никто не подходит. Переехал?

– Нет, не переехал. Просто не состыковывались, наверное, – снова слукавил Сергей.

– Может, и так, – согласился капитан. – Кстати, новость не слышал? Меня Кирилленко новыми погонами облагодетельствовал! Скоро представление получу, так что теперь я без пяти минут майор... На двадцать баксов в месяц больше получать буду! – хмыкнул Безукладников. – Представляешь, как круто поднялся... Почти полетел.

– Поздравляю, – ответил, усмехнувшись, Сергей. – Ладно, мне пора. Увидимся...

Он убрал телефон во внутренний карман куртки и, облокотившись на руль, задумался. Убийство Короеда могло быть связано с разными причинами, но интуиция подсказывала ему, что виной тому послужило именно полученное им задание от Сергея. Ну что же, теперь придется действовать по-другому...

Взглянув на часы, Северов завел двигатель своей «шестерки», проехал по грунтовой дороге мимо цыганских домов, выехал на шоссе и свернул в сторону воздушного моста.

На сегодня у Сергея было назначено две важные встречи, опаздывать на которые никак нельзя. Пунктуальность в его же интересах. Через сорок минут в пустой квартире предназначенного под снос старинного дома на канале Грибоедова его будет ждать Борис, бывший офицер КГБ из шестого управления, с которым предстоит долгий и серьезный разговор. А в девять вечера, возле Казанского собора, в сквере, предстоит повидаться с интеллигентным общительным старичком Эрнестом Михайловичем, профессиональным гримером, более тридцати лет отработавшим на «Ленфильме» и лично гримировавшим самые известные актерские лица страны, начиная от Игоря Ильинского и заканчивая бесстрашными гардемаринами. Опыт перевоплощения, накопленный старым гримером за долгую жизнь в кино, интересовал Северова не ради любопытства.

Часть II

Господин денисов и его «пирамиды»

Глава 17

Миша Кац с облегчением откинулся на спинку кресла, закинул ногу на ногу и с наслаждением протер уставшие и слезящиеся от длительного сидения перед монитором глаза. От многочасовой напряженной работы перед ними уже начинали появляться темные пятна, которые, словно надоедливые мухи, никак не хотели исчезать. Выдвинув нижний ящик своего рабочего стола, коммерсант достал початую бутылку коньяка «Арагат», отхлебнул прямо из горлышка и блаженно вздохнул. Да, устал сегодня... Но зато на три дня вперед сделал работы.

Кац был настоящим гением в плане пользования компьютером. Его знаний без натяжки хватило бы на то, чтобы со спокойной душой оставить не особо прибыльный бизнес по разработке визиток и прочих дизайнерских изысканий в области мелкой полиграфии и целиком переквалифицироваться в хакера. Не в того, который взламывает компьютерные коды лишь ради спортивного интереса, а в настоящего профессионала, для которого его мощный, навороченный до немыслимых пределов компьютер – не что иное, как средство существования. И еще какое! Кац знал четырех питерских хакеров лично, причем у самого «бедного» из них, по кличке Диод, была двухэтажная каменная дача на берегу Финского залива, трехлетний «Форд-Мустанг» и длинноногая подружка редкой красоты, работающая танцовщицей в ночном клубе «Луна». По словам Диода, оброненным на одной пьяной вечеринке, он старается не афишировать свои доходы от подделки кредитных карточек и живет скромно, тратя в месяц не более пяти штук «зеленых».

Миша не сомневался, что ему вполне по силам присоединиться к не столь уж малочисленной армии компьютерных «жуков», живущих за счет компьютерных ограблений. И он был уверен, что, работая в этом направлении, сможет, при определенном везении, разумеется, очень скоро «нашинковать» кучу бабок.

Но гораздо лучше всего перечисленного Кац знал свой необычайно азартный характер и не сомневался, что, лишь единожды вкусив сладость шальных денег, он уже не сможет остановиться и будет грабить банковские счета до тех пор, пока к нему в дверь громко не постучат и не скажут: «Откройте, милиция!»

Поэтому Миша до сих пор предпочитал довольствоваться малым, свято веря, что каждому человеку хоть раз в жизни обязательно дается козырный шанс сколотить состояние. Пока же, в ожидании шальных денег, директор товарищества с ограниченной ответственностью «Фокус» пробавлялся изготовлением «липы» – печатей и бланков несуществующих фирм, дубликатов известных компаний, банков и различных государственных организаций, а также подделкой документов, отличить которые от настоящих можно было только с помощью квалифицированной экспертизы, но никак не на глаз. Вся эта криминальная стряпня изготавливалась весьма конспиративно, всегда лично самим Михаилом и только для узкого круга заказчиков. О противозаконных делишках ТОО «Фокус», между прочим, не знал даже компаньон Каца, Стас Милославский. Миша в свои неполные двадцать семь лет не был совсем уж нищим и, помимо собственного, прочно стоящего на ногах бизнеса, имел весь джентльменский набор холостяка – от двухкомнатной квартиры в престижном районе возле станции метро «Приморская» до нового автомобиля «Ауди». А небольшой валютный счет в Эстонии – на черный день – позволял Кацу не бояться кризиса и оказаться на улице.

Но по сравнению с нарисованными богатым воображением Каца радужными картинками из его будущей жизни, все это являлось не больше чем жалкими крохами, средствами к существованию, а значит, нужно было терпеливо ждать своего звездного часа, когда вдруг грянет гром и на голову прольется настоящий золотой дождь. И Миша ждал... Но не просто ждал, а пребывал в постоянном поиске. Поиске идей... По натуре своей Миша Кац хоть и не был авантюристом, но был человеком, продуцирующим шальные идеи. И, пожалуй, идея, до которой ему удалось додуматься за последние два месяца, представляла собой настоящую аферу века. Теперь нужен был исполнитель. Кац долго присматривался к своим знакомым, пытаясь отыскать среди них человека, который сочетал бы в себе редкие качества, присущие только настоящим авантюристам, – удачливость, ум, талант и азарт.

И совершенно неожиданно такой человек нашелся.

Максима Денисова Кац знал еще со школьной скамьи. Они учились в одной школе, но Максим был моложе. Когда-то они даже жили в одном дворе, но потом их пути разошлись. Кац подался в предпринимательство, Максим поступил в юридический институт, то есть, как любил шутить Миша, они, по сути, оказались по разные стороны Уголовного кодекса, ибо, как частенько случается – быть бизнесменом означало одновременно быть жуликом.

Они встречались сначала случайно, на вечеринках, потом стали общаться чаще, заранее договариваясь о встречах и делясь за бутылкой коньяка своими жизненными проблемами.

Макс неплохо закончил институт, устроился работать в юридический отдел какой-то фирмы. Зарабатывал, конечно, гроши, но был вполне доволен жизнью, живя на всем готовеньком с родителями в большой двухкомнатной квартире.

Все изменилось внезапно и трагически. Родителей Максима, которых Кац хорошо знал и которые, будучи милейшими и интеллигентнейшими людьми, никогда не имели никакого отношения к криминалу, расстрелял из автомата какой-то подонок. В милиции сказали: случайно, была, дескать, перестрелка у поста ГАИ возле Усть-Луги. Как бы то ни было, но прежняя беззаботная и безоблачная жизнь Денисова кончилась. И когда Миша увидел его на похоронах, его поразило изменившееся лицо друга. Макс был мрачен, подавлен и ожесточен. На слова сочувствия он невнятно бормотал что-то о мести, заставил выбросить с могилы родителей венки, присланный из милиции с извинениями и обещаниями отыскать преступника, никого не узнавал и вообще производил впечатление сумасшедшего.

Потом Денисов исчез. А когда, спустя несколько месяцев, он вновь объявился, то поразил Каца еще больше, чем тогда, на кладбище. От депрессии его, казалось, не осталось и следа, он шутил, смеялся, был бодр, деятелен и мрачнел только тогда, когда речь заходила о погибших родителях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.